

(He)

ВЛЮБЛЯЙСЯ!

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ДАРЬЯ БЕЛОВА

18+

Дарья Белова (Не)влюбляйся!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70094488

SelfPub; 2023

Аннотация

После каждого своего выступления мне дарили шикарные букеты, а по вечерам мы иногда переписывались с моим тайным поклонником. Но потом я узнала, кто он... Он тот, кто выкинет меня из своей жизни, стоило мне по-настоящему его полюбить.

Содержание

ПРОЛОГ.	6
Глава 1.	9
Глава 2.	14
Глава 3.	19
Глава 4.	26
Глава 5.	33
Глава 6.	40
Глава 7.	47
Глава 8.	52
Глава 9.	57
Глава 10.	68
Глава 11.	77
Глава 12.	87
Глава 13.	95
Глава 14.	103
Глава 15.	111
Конец ознакомительного фрагмента.	112

Дарья Белова

(Не)влюбляйся!

– Что случилось, раз ты ни с того ни с сего говоришь, что не хочешь видеть меня в своей жизни? – спрашиваю надрывно.

– Так будет правильно, – отвечает сухо.

– Кому от этого будет хорошо? Тебе?

– Нет.

– Мне?

– Возможно. Со временем все пройдет. Ты... встретишь человека, который действительно тебя достоин. Я... не пара тебе, – говорит уверенно, вонзая острый клинок в самое сердце.

После каждого своего выступления мне дарили шикарные букеты, а по вечерам мы иногда переписывались с моим тайным поклонником. Но потом я узнала, кто он...

Он тот, кто выкинет меня из своей жизни, стоило мне по-настоящему его полюбить.

ПРОЛОГ.

Выбегаю из *его* квартиры в разодранных чувствах. Их будто вынули, ногтями в клочья порвали и силой втиснули обратно.

На улице метель. Жуткая, с крупными хлопьями снега и сильным ветром. Ненавижу зиму, ненавижу снег.

Телефон разрывается в кармане короткой куртки. Мелодия, которую я поставила только на него, теперь навсегда будет ассоциироваться с ним. Некогда любимая песня стала мне отвратительна.

Слезы катятся по щекам, кожу щиплет. Я грубо растираю их, до царапин. Мне хочется чувствовать боль. Тогда физический дискомфорт затмевает душевный. А мне плохо, по-настоящему плохо. Как никогда в жизни.

– Зачем ты звонишь? – выкрикиваю я.

Горло мгновенно стискивают колючей, жгучей проволокой.

– Вернись, – говорит так, словно несколько минут назад не вышвырнул меня из своей жизни.

– Зачем? Я не нужна тебе. Оказалась, что не нужна.

Он молчит. Я реву, ни сколько не стесняясь. Он слышит мои рыдания и не прерывает. Просто дышит в трубку.

– Я что-то сделала не так? – заикаясь, спрашиваю.

Может, причина во мне?

– Нет.

– Объясни нормально, по-человечески. Что случилось, раз ты ни с того ни с сего говоришь, что не хочешь видеть меня в своей жизни?

– Так будет правильно.

– Кому от этого будет хорошо? Тебе?

– Нет.

– Мне?

– Возможно. Со временем все пройдет. Ты... встретишь человека, который действительно тебя достоин. Я... не пара тебе.

Опускаюсь на колени и как раненное животное начинаю выть. Протяжно. Душа выплевывается из тела, все органы прокручиваются через мясорубку. Внутри боль, дышать невозможно.

А потом наступает пустота...

– Знаешь, а ты прав... – сдавленно отвечаю, хрипло, устало.

Мы молчим, но никто не спешит бросать трубку. Это наши последние секунды вместе. Они уже ни о чем. Но прервать звонок, значит, поставить точку.

– Я пришлю тебе приглашение на свадьбу, – спустя время говорю.

– Соня...

Господи, как же ласково он произносит мое имя. Словно любит. Все-таки любит.

– Ненавижу тебя. И буду всю жизнь ненавидеть. Ты мне сердце вырвал.

– Я ненавижу себя за это...

Отрываю телефон от уха и сбрасываю вызов. Вот и все.

Поднимаюсь с колен. Они полностью промокли, и я чувствую холод, который проникает под одежду, под кожу, внутрь. Чувствую, но мне все равно.

Вызываю такси и через пятнадцать минут называю адрес родительского дома. Мы не общались с папой несколько недель. Глупая ссора, в которой он все-таки оказался прав.

Вбегаю в дом и направляюсь в его кабинет. Мне хочется по-детски уткнуться в его плечо и выреветь все, что накопилось. Сколько времени на это потребуется? Час? Два? День? Неделя? А если всю жизнь?

– Папа, я принимаю предложение Гордея. Выйду за него. Замуж, – говорю уверенно, а внутри пустота и осколки разбитого сердца.

– Молодец, дочь. Правильное решение, – обнимает крепко и целует в макушку, – а поклонник твой этот...

– Его больше нет и никогда не будет в моей жизни.

– Предупреждал ведь тебя, София. С такими, как он, связываться не стоит.

Я поднимаюсь к себе в комнату и, не снимая одежды, ложусь в кровать. Лицом утыкаюсь в подушку и засыпаю. Сны мне не снятся.

Утром моя жизнь перевернется.

Глава 1.

Несколько месяце до...

Соня.

– А где Михаил? – опасливо спрашиваю начальника папиной службы безопасности.

Его зовут Дмитрий, и он внушал мне страх как только появился в нашем доме.

Некоторое время назад мой отец приставил ко мне ни то охранника, ни то водителя. Мне это не принципиально. Ничего предосудительного никогда не совершала и не совершаю, а раз папе так спокойнее – почему нет?

И сейчас человек, к которому я привыкла, отсутствует. Но есть Дмитрий.

– На другом объекте, – говорит и отворачивается от меня. “На объекте”...

Вижу, ему в тягость заниматься развозом дочери его босса, а у меня нет желания садиться с ним в машину.

– Ясно, – нейтрально отвечаю и замираю у пассажирской двери.

Банальная галантность, к которой я привыкла. Михаил сообразил в первую минуту, после аккуратного моего покашливания и скромной улыбки.

“Понял. Не дурак,” – ответил он мне и открыл дверь. Мы улыбнулись друг другу, а потом разговорились в дороге. Мой

охранник-водитель оказался приятным парнем, с юмором.

Дмитрий стоит и курит. На меня не обращает никакого внимания. Это несколько раздражает, даже что-то задевает внутри.

А в руках у меня, между прочим, тяжелый букет из бордовых роз. Огромной, я еле обхватываю.

Помощь, конечно же, никто не предлагает.

Откашливаюсь, надеясь, что это как-то повлияет на начальника службы безопасности.

Настроение ползет вниз. Михаила нет, помощи никто не оказывает, только тотальный игнор и недовольство. Спрашивается, чем заслужила?!

– Вы не поможете мне? – измученно спрашиваю.

Дмитрий докуривает сигарету до фильтра, отбрасывает в сторону и, не задумываясь о том, что рядом с ним молодая девушка, выпускает струю дыма в мою сторону.

Устало вздыхает. Не его уровня задачка, согласна. Но открывает передо мной дверь, ждет, пока усядусь, и громко хлопывает дверь салона. Я остаюсь в тишине и перевожу дух.

Букет кладу рядом. Каждый раз при взгляде на него гадаю, кто мой тайный поклонник. Это уже десятый букет за последние месяцы.

Цветы были разные: белые розы, нежно-розовые, целая корзинка тюльпанов (осенью-то), даже фиолетовые ирисы. И вот сейчас темно-бордовые розы со сладким, дурманящим аромат.

– Что? Опять цветы? – спрашивает Дмитрий, параллельно нажимая какие-то кнопки в машине.

Откуда он вообще знает про мои цветы? Мама растрещала?

– Да. Сегодня розы. Их так много... – взглядом снова пересчитываю.

– Количество хоть нечетное? – безразлично спрашивает и выезжает на дорогу.

Вечером жуткая слякоть на дороге, еще страшный северный ветер и легкий минус. В такие дни я рада, что добираться до дома не на своих двух.

– Угу, – так же безразлично отвечаю.

– А то придется Сергею Анатольевичу докладывать, что у его дочери появился неадекватный поклонник. После спектакля дарит букеты с четным количеством цветов.

— Все в порядке.

Мне неуютно находиться в замкнутом пространстве с Дмитрием. От него веет арктическим холодом. Взгляд проникает до нутра и морозит все органы. Утепляйся как угодно – не поможет.

И мне сейчас становится прохладно, хотя кондиционер работает на хороший плюс. Наши взгляды изредка пересекаются в зеркале заднего вида. Между нами чуть больше метра, а тяжелая аура и тягостное молчание давят камнем на грудь и плечи.

– Как спектакль?

Сегодня он чуть разговорчивее.

– Как обычно.

Только общаться с ним я не хочу.

Постоянно кошусь на букет. Пальцами дотрагиваюсь до нежных, бархатных лепестков. Кажется, аромат тут же распространяется по всему салону. Улыбка не сходит с лица.

Все-таки интересно, кто мой поклонник? Он блондин или брюнет? Сколько ему лет и где могли видаться?

– Нравится? – спрашивает Дмитрий и вероломно врывается в мои мысли. Теряюсь. Голос чужой и действующий на нервы.

– Что?

– Букет, спрашиваю, нравится?

– Да, – сухо отвечаю.

Он ухмыляется надменной улыбкой, и больше мы с ним не обменялись ни словом за всю оставшуюся дорогу.

У дома несколько машин, хотя время позднее. У нас гости.

Начинает неприятно сосать под ложечкой. Перемещаю взгляд на Дмитрия, тот хмурится, очевидно, для него это все тоже сюрприз.

– Ты сегодня долго, София, – начинает отец с порога, – мы уже все заждались.

Папа, не дав даже снять куртку, заводит в гостиную. Зажженный камин, яблочный пирог, чашки с чаем на столике и несколько человек вокруг: мама, незнакомая мне женщи-

на и двое парней, один блондин, другой темно-русый, почти брюнет. Все рассматривают меня с неприкрытым любопытством, даже дотошностью.

Перевожу взгляд на Дмитрия. Не верю, что ничего не знает. Он всегда и обо всем осведомлен, работа такая. Дмитрий только хмурится и изучает наших гостей особенно тщательно.

– Дима, на минутку в мой кабинет пройдем, – окликает его отец. – София, а ты не стой, проходи к гостям. Знакомься.

Начальник службы безопасности обводит незнакомых для меня парней соколиным взглядом и удаляется, не сказав и слов прощания.

Глава 2.

Соня.

Снимаю верхнюю одежду, разуваюсь, быстро мою руки в гостевом туалете и возвращаюсь в зал.

Мама резко встает с дивана и быстрым шагом подходит, обнимает. Меня накрывает облако ее духов, от которых постоянно кружится голова, хотя они далеко не сладкие.

– Помнишь, я рассказывала тебе про Бисаровых? – шепчет на ушко, пока обнимает.

Говорит быстро, мозг не успевает обрабатывать информацию. Я просто коротко киваю.

– Старший сын – Артур, сейчас работает под началом своего отца, в финансовом департаменте, младший – Гордей. Закончил в позапрошлом году Йельский университет, тоже привлечен в бизнес отца.

Артур берет фарфоровую чашку и отпивает из нее. Взгляд нацелен ровно на меня. Губ не вижу, но отчего-то кажется, что он улыбается. Гордей стоит у окна, что-то печатает в телефоне, тоже мило улыбается, но своему невидимому собеседнику.

Словно почувствовав мое внимание на себе, поворачивает голову в мою сторону, подмигивает задорно и снова утыкается в свой телефон.

Прелестно.

– Мне подбросить монетку? – язвлю, хотя с родителями, особенно с мамой, этого не позволяю себе.

Но сейчас чувствую себя как на каком-то аукционе. Не могу понять, кто кого выбирает. Жуткое ощущение.

– София! – чуть громче говорит.

– Соня, присаживайся. Чай еще не остыл. Ты, наверное, замерзла. Сегодня отвратительная погода. Говорят, циклон продержится еще несколько дней, – говорит Артур.

Его голос красивый. Мужской, с легкими хрипылыми нотками, довольно низкий, но не басит как дикий раненый зверь. Совру, если скажу, что ничего не почувствовала. Пожалуй, мне даже нравится, как он говорит.

Голос вообще моя слабость. Могу влюбиться в человека, только услышав его короткое “Привет”.

Мама подталкивает в спину. Подчиняюсь.

– Прошу, – протягивает мне маленькую чашку чая.

Наши пальцы соприкасаются. Не случайно, конечно же. Взгляды встречаются, сцепляются, ниточка натягивается, что-то происходит, зарождение чего-то... И я рву ее безжалостно.

– Спасибо, – тихо отвечаю и начинаю пересчитывать чашинки.

– Я как-то был на твоём выступлении.

Артур отставляет чашку и откидывается на удобное кресло. Ведет себя уверенно. Я бы даже сказала слишком.

– София у нас танцует первым составом. Говорят, скоро

новая постановка будет, пробы на главную роль организуют.

Мама, да и все присутствующие, вслушивались в наш непродолжительный с Артуром диалог.

На сцене не чувствуешь такого внимания, как сейчас.

– Уверен, тебя выберут, – рукой дотрагивается до моего плеча.

Знак поддержки. У меня нет отторжения, нет брезгливости, но и ничего воспламеняющегося внутри тоже нет. Ровно, абсолютно.

С Толей было не так. С самого первого нашего взгляда. Моя первая и единственная любовь, первый мужчина. Мы расстались несколько месяцев назад. Почему? Я хотела большего, ему это было не нужно.

Спустя неделю Толя обнимал другую девушку и улыбался ей так же как мне. Тогда я впервые почувствовала предательство на вкус.

– Не знаю, по-моему балет – полная хрень, – голос Гордея другой. Выше, по-мальчишечьи тоньше. Классический тенор.

Зато из всех сидящих он самый честный. Наверное.

– Гордей, – женщина, очевидно, их мать, вскрикивает по-театральному наигранно.

– Ну а что? Ногами дрыгают, ничего не понятно: кто, куда, зачем. Танцуют и танцуют. Скукота. То ли дело квесты проходить. Вот это я понимаю. Нервишки пощекотать и окунуться в этот выстроенный мир, – снова подмигивает очаро-

вательно.

Улыбаюсь и закусываю нижнюю губу.

– Но на тебя бы сходил и посмотрел твой, – прокатывает слово на языке как вкусную карамель, – балет.

И снова утыкается в телефон, будто этого разговора и не было. Странно, меня задело. Не то, что он сказал, про балет. А его поведение. Задело настолько, что пригласи он меня сейчас на свидание, как минимум бы взяла ночку на подумать.

Было бы здорово, если бы мой поклонник выглядел так же как Гордей. А вдруг, это он и есть?

Выпиваю свой остывший чай до самого доньшка и встаю, чтобы уйти. Устала.

Артур недовольно смиряет меня взглядом, брату дарит красноречивый взгляд, от которого хочется укутаться в теплую шаль, закрыться. Я лишь пожимаю плечами.

– София Сергеевна, – причитает Мария Степановна, наша экономка.

Господи, что я опять натворила?

– Боже, какие красивые цветы! А вы их положили на террасу. Как зашли, так и оставили. Ай-ай-ай, София Сергеевна!

Покрываюсь легким румянцем. Черт, папа сразу повел меня в зал, цветы положила на ближайшее свободное место и даже не вспомнила о них за все время. Становится стыдно. Перед поклонником...

– Опять он? – мама невольно почесывает нос, скрывая движения своих губ, чтобы никто не смог по ним прочитать сказанное.

Забираю бережно букет, руки оттягиваются вниз от тяжести. Яркий, сладкий аромат как дурман наполняет легкие. Улыбаюсь, как дурочка. Должно быть.

Из папиного кабинета выходят трое: незнакомый мне мужчина, Дмитрий и, собственно, сам отец.

Все взгляды устремлены на меня и цветы. На лицах множество вопросов. Один только начальник службы безопасности недовольно хмурится и отворачивается.

Я ему неприятна? Цветы? Что?

– Давай сюда, я выкину их.

Мама пытается забрать у меня мой букет. Вцепилась мертвой хваткой. Не позволю! Цветы мои! От моего поклонника!

– Это уже не смешно, София. Сергей, прошу, разберись, – обращается к отцу.

– Дима, выясни, кто он и что хочет, – приказывает папа.

Дмитрий только кивает и прочесывает языком зубы.

Не выдерживаю, убегаю по лестнице наверх, чуть не спотыкаясь о ступеньку. В спину летит простреливающий взгляд. Он проходит насквозь как острый охотничий нож, становится больно.

Глава 3.

Соня.

Просыпаюсь поздно. Сказывается напряженная неделя и вчерашнее вечернее шоу. Я еще долго плакала в душе. Почему? Сама не знаю.

И засыпала тяжело. Все взгляд тот ощущала. Мочалкой терла до ощутимых царапин, смывала сначала ледяной водой, потом практически кипятком. Не получилось. Закрывала глаза, и кожи спины касался расплавленный металл. На мне будто ставили метку, клеймо.

– Доброе утро, – сонно говорю и резко останавливаюсь в дверях, ведущих на кухню.

Легкие лопаются от проникающего в них тяжелого аромата мужской туалетной воды. Какой-то сладкий мандарин и хвоя. Как *у него* в машине.

На мне хлопковые шорты и тоненькая майка на бретельках. Одна перекрутилась и сейчас отчего-то сильно давит на плечо.

Словно под тяжестью его взгляда.

– Уже обед, – безэмоционально говорит Дмитрий и выходит с кухни, обдавая ароматом своей туалетной воды.

Что он здесь делает? Один? Разве не должен заниматься делами там, я не знаю...

От непонятной мне злости топаю ногой, больно ударяя

пятку.

На столе чашка с недопитым кофе. Он поставил ее и эгоистично решил, что раз он начальник, то наша экономка может и за ним убрать?

Взглядом пробегаюсь по краю чашки, ищу следы губ безопасника. И резко встряхиваю головой.

Господи, о чем я думаю?

– О, уже проснулась? – Мария Степановна заходит в кухню, чуть прихрамывая, и достает из холодильника авокадо, ломтики семги и яйцо.

– Что с ногой, Мария Степановна? – спрашиваю и присаживаюсь на высокий стул. На этом месте сидел Дмитрий.

– Да, вчера вечером чуть не упала. Наледь такая была на ступеньках на заднем дворе. Хорошо Дима был рядом. Не дал упасть. А то так можно приземлиться, что на своих двух только через полгода пойдешь.

Дима, Дима, Дима... Он везде, этот Дима. Неужели никто не видит и не чувствует, какой он холодный, закрытый и опасный?

– Но ногу все-таки подвернула, – заканчивает свою историю.

Телефон экрана загорается ярким светом и извещает о новом сообщении с неизвестного номера.

Подушечки пальцев покалывают, интерес и любопытство вмиг завладевают телом.

Смс. Не банальный мессенджер, а так, по старинке. Это...

необычно и странно. Еще больше вопросов возникает и жуткое желание открыть это сообщение.

“Красные розы подходят тебе больше всего”

Телефон выпадает из рук и ударяется о каменную столешницу островка. Кожа горит, словно схватила обжигающий противень из духовки. Чувствую характерное пощипывание и покалывание.

Ладони потеют, а сердце словно дикая лошадь несется галопом.

Выхожу из сообщения, откладываю телефон и фиксирую взгляд на каком-то крючке, на который Мария Степановна крепит полотенце. Дурацкая ситуация. И чувствую я себя по-дурацки.

Томление внутри, радость необъяснимое и чуть страха.

Он мне написал!

– Ты чего вся покраснела, Соня? Щечки заалели, дышишь как после сдачи нормативов. Случилось что? – обеспокоенно спрашивает Мария Степановна. Даже прислоняет тыльную сторону ладони ко лбу.

У меня будто и правда поднялась температура, и я заболела.

– Все в порядке. Просто сообщение... – торможу себя.

Наша экономка – замечательная женщина, добрая бабушка, но она глаза и уши моей родительницы. А мама не жалуется моего поклонника.

– Сообщение... – продолжает Мария Степановна.

– Да так... Новость хорошая.

– Какая? – не успокаивается.

– Дату проб назначили. Вот, девчонки сообщили.

Вру. И в глаза смотрю. Стыдно-то как!

– Ой, это же хорошо. Как тебя утверждают, отметим, – продолжает говорить.

Я снова беру в руки телефон, открываю сообщение и вновь перечитываю короткое предложение. Улыбаюсь, дурная.

Ну какие пробы, а?

“Мне понравились все букеты”

Отбиваю по буквам ответ. Нервничаю. Это же наша первая переписка.

Нажимаю отправить и откладываю телефон подальше. Останься у меня в руках, начну гипнотизировать иконку с сообщениями.

Дышать и правда стало сложно. Такое однажды было, когда подхватила бронхит. Легкие словно стягивало тугими канатами или обвивали сотни крепких веревок. Каждый вдох – борьба тела за жизнь.

– Вот, твои любимые, Сонь.

Мария Степановна ставит передо мной тарелку с завтраком. Пахнет очень вкусно, а кусок в горло не лезет. Легкая тошнота чувствуется.

– Спасибо. Вы, наверное, идите отдохните. С больной ногой лучше снизить нагрузку. Это я вам точно говорю, –

улыбаюсь через силу, желая, чтобы экономка уже поскорее ушла.

Ее взгляды прокатываются по мне то и дело.

– Конечно, – улыбается и уходит. Выдыхаю.

Телефон вибрирует на столе. Быстро переворачиваю, беру в руки и открываю сообщение.

Перед глазами плывет, сложно сфокусировать взгляд.

“Тяжелые, наверное, были розы. Прости”

Кусаю губы в каком-то диком состоянии. Я хочу продолжить переписку, узнать, кто он, встречались ли, знакомы ли вообще. Но безумно боюсь спугнуть.

И решаюсь.

“Я знаю тебя?”

Отправляю, откладываю и выпиваю залпом горячий кофе. Как Мила. Язык будто сварили. Сейчас пустят на салат. Открываю рот и вбираю медленно воздух в себя.

– Новая дыхательная гимнастика? – раздается позади меня.

Тело сжимается на несколько размеров, а кожа покрывается противной липкой паутиной. Только он так может смотреть.

Я все еще в шортах и топике. Дмитрий глазами проходит по каждой детали. Снова корю себя, что стоило подняться и надеть сверху хотя бы халат.

– Нет. Обожглась, – хрипло отвечаю и прочищаю горло, а то звучу, как курильщик с тридцатилетним стажем.

– Торопиться потому что, – зло усмехается, и его взгляд касается моих губ.

Нехорошо это сейчас, неправильно. Но я застыла почти полуголая и позволяю ему всматриваться в мои губы.

Звонок на телефоне заставляет вздрогнуть. Он вибрирует и двигается по столешнице словно зверек какой-то. А мелодия все играет, играет.

Вдруг это звонит поклонник?

– Алле?

Ребра расширяются из-за биения сердца, потом трещат и ломаются. В крови концентрация страха и переживания. Они делают кровь жидкой и быстрой, не угнаться.

– Привет, София.

Голос знакомый, приятный.

А взглядами с Дмитрием сцепляемся, даже не моргаем.

– Хотел пригласить тебя на свидание. У меня есть два билета на новую постановку. Был бы рад, если согласишься.

Артур говорит правильно, не единой ошибки. Это подкупает. Я обращаю на это внимание чуть ли не с первого сказанного слова. Еще на манеры, поведение, даже стиль одежды. Мне важно все. Чтобы идеально, с иголки, не придраться.

Кажется, Артур это понял. Либо ему подсказали.

Но сама стою растрепанная перед чужим мужчиной, с обожженным в кровь языком, а сердце вырывается из груди при мысли о поклоннике. Где тут правильность?

– София? Меня слышно? – спрашивает.

Дмитрий слышит наш разговор, потому что динамик громкий. Не знаю, почему не убавила звук.

Нахмурился, губы сжал в тонкую линию, даже кожа побелела. Сейчас он внушает страх.

– Да-да, я слышу. Х-хорошо, Артур. Я пойду с тобой на свидание.

– Тогда завтра я заеду за тобой. В шесть часов вечера будет удобно?

Киваю, совсем позабыв, что он меня не видит.

– София?

– Я буду у себя, не у родителей. Адрес скину.

– Спасибо. Я буду ждать.

Разговор закончился. Взгляды все еще намертво сцеплены. Хочется взять топор и разрубить.

– У тебя ... хм... – указывает на мое плечо, – сейчас слетит и ...

Связь разорвана. Пальцами нащупываю бретельку иправляю ее. Если бы Дмитрий не сказал об этом, то он стал бы свидетелем интересной картины.

Сбегаю с кухни первая, позорно склонив голову.

На телефоне пусто. Мое сообщение поклоннику прочитано, но ответа нет.

Глава 4.

Соня.

Артур ждет меня у своей машины ровно в шесть часов вечера. В руках букет из белых роз, перевязанный белой атласной лентой. Цветы шикарные и дорогие. Но внутри ничего не екает.

Стала какой-то избалованной с этим поклонником.

– Привет, – улыбается широко и протягивает мне розы.

Кажется, они ничем не пахнут. Зарываюсь в них носом, а словно вдыхаешь запах воды. То есть ни-че-го не ощущаешь.

– Привет. Спасибо, – отвечаю, коротко бросая взгляд на Артура.

Его волосы идеально уложены, стрижка по последнему писку моды, но без кича и вычурности. Классика с легким флером небрежности. Одет в строгий костюм, без галстука. На шее замечаю крупную золотую цепочку с каким-то кулоном. Не могу рассмотреть, что именно там.

Лицо гладко выбрито. А пахнет чем-то вкусным. Такую туалетную воду я дарила папе на праздник.

– Ты замечательно выглядишь, – обводит меня взглядом своих голубых глаз.

Смущаюсь немного, хоть и привыкла к комплиментам. Только сейчас его слова звучат с каким-то подтекстом, а взгляд то и дело возвращается в груди.

На мне нежно-розовое платье с глубоким вырезом и длинный кулон с розовым кварцем в виде необработанного камня в обрамлении платиновых колец. Отец на день рождения подарил.

Сейчас жалею, что надела этот наряд.

– Благодарю, – тем не менее говорю и плотнее запахиваю пальто. Может, не сдавать его в гардероб?

– Тебе понравился букет? – спрашивает, как только мы садимся в машину и выезжаем со двора.

Его вопрос заставляет напрячься. Воспоминания ворочаются, копошатся и противно кусают.

Первые цветы от поклонника были именно розы, белые. Их так же перевязали атласной лентой, удалив все шипы. Словно букеты из одного салона.

Перевожу быстро взгляд на Артура. Профиль благородный, как принято говорить: прямой нос, в меру полные, но мужские губы, волевой подбородок и высокий лоб. При этом Бисаров не выглядит грозно или опасно. Скорее... идеально. Чертовое слово, от которого сейчас хочется бежать куда глаза глядят.

Поклонник появился пару месяцев назад. Это было начало сезона и первое выступление после отпуска. Я танцевала в “Лебедином озере”, устала жутко, почти до слез. Именно тогда мне преподнесли огромные белые розы. Без записок или номера телефона на карточке. Только букет у меня на гримерном столике.

В тот вечер в нашем доме у родителей прозвучала фамилия Бисаровых. Совпадение?

– Соня? – мои размышления жестко прерывает Артур.

– Да, спасибо. Они прекрасны. Я люблю розы. И красные мне очень нравятся... – говорю и пристальней всматриваюсь в его лицо, которое покрывается убегающими бликами из-за проезжающих постоянно мимо машин.

– Хм... Те розы и правда тебе подходят. Красные. Которые тебе подарили, когда мы были у вас в гостях, – уточняет.

Господи, мое сердце нервно отстукивает свой ритм, сбивается с него и начинает шарахаться невпопад. Я слышу удары повсюду, словно запись моего сердца поставили по радио и включили на полную громкость.

Отворачиваюсь от него, взгляд перевожу на дома, которые мы быстро проезжаем. Улыбаюсь как дурочка. Может, это правда Артур? Почему тогда молчит? Не хочет признаваться? К чему вся эта таинственность?

Мы подъезжаем к театру ровно за двадцать минут до начала спектакля. Артур помогает выбраться из машины, галантно подав руку.

Его цветы остаются в машине, хотя безумно хочу взять с собой.

Он помогает мне снять пальто, заострив свое внимание на кулоне, ложбинке груди, обжигая дыханием кожу спины.

– Когда родители водили нас с братом в театр, всегда просил маму купить программку. Я их коллекционировал.

Артур берет мою руку и кладет себе на сгиб локтя. Касаюсь ладонью пиджака. Ткань приятная на ощупь, хочется еще провести рукой. Рассматриваю его руки. Аккуратные, с крупными, немного выпирающими венами на тыльной стороне ладони. Он сейчас вообще весь по-мужски красивый.

– Ты был уже на этом спектакле? – спрашиваю.

– Нет, – чуть усмехаясь отвечает.

– Давай купим программку?

Артур улыбается по-мальчишечьи. Глаза загораются неподдельным интересом. И почему мне кажется, что его интерес никак не связан с этим крошечным листочком бумаги, где до сих пор замену подчеркивают шариковой ручкой?

Спектакль проходит на одном дыхании. Артур не отвлек меня от просмотра ни на секунду, сам впитывала игру актеров. Мы смеялись, когда было смешно, и хлопали, когда актеры выходили на поклон.

– Спасибо, мне так понравилось, Артур. Спектакль очень хороший и... спасибо, в общем, – говорю, когда сажусь в машину. Разумеется, кавалер мой открыл дверь и помог сесть.

– А свидание? – улыбается одним уголком губ и коротко бросает взгляд на меня.

Сейчас с ним очень хорошо, спокойно, я бы сказала. И его этот взгляд должен будить что-то внутри, под ребрами. Тепло какое-то там разливать, как пишут в книжках. Когда Толя посмотрел на меня первых раз, думала, упаду в обморок.

Но на этом все.

– И свидание, – соглашаюсь спустя время. Оно ведь и правда мне понравилось. Да?

– Слушай, Сонь, – первые нахальные и развязные нотки в его голосе и тоне. Контрастирует с образом и поведением Бисарова до этого, – ты в курсе, что на днях будет одно мероприятие в честь совместного проекта наших отцов?

От моей расслабленной позы не осталось и следа. Подобралась вся, а спину выпрямила. Она даже не касается кресла. Ремень безопасности противно впивается и режет кожу, хотя на мне слои одежды.

– Слышала, – односложно отвечаю.

О делах отца я не спрашиваю, в его бизнесе не разбираюсь да и не хочу это делать.

– Ну, и в курсе, что этот проект очень важен для наших семей? Умножение капитала, все дела... – снова развязная речь.

Он будто весь вечер до этих фраз играл. Неплохо, надо сказать.

– Может, поедем вместе? Покажем, что поняли важность этого проекта?

– Зачем?

– Мы неплохо общаемся, у нас много общего. И, как мне кажется, хорошо смотримся вместе. Это ли не прекрасное начало для отношений? В любом случае, я бы попробовал, София.

Даю себе на подумать несколько секунд. Я поняла, к чему

он клонит с первого вопроса. Это хлещет тонким прутиком по органам. По сердцу особенно.

Если он мой поклонник, значит, все это было только ради какого-то проекта? Чувствую себя куклой на рынке. Красивая, упакованная, а привередливый покупатель крутит в руках и просит сделать скидку. Ну так, потому что принято торговаться. Противно от себя, от всех нас.

– Хорошо, – тем не менее соглашаюсь.

Домой возвращаюсь в другом настроении. Какая-то обида в душе царит.

Артур проводил меня до подъезда. Спасибо ему за то, что больше не наседал, не пытался взять за руку и, упаси Боже, не поцеловал. Настроение считывал на раз-два.

Я всю жизнь знала, что рано или поздно настанет день, когда отец будет предлагать мне варианты, за кого выйти замуж. Это записывалось на подкорку. Поэтому не удивлена, скорее расстроена, что вот... пора...

Бисаров мне не противен, даже приятен, насколько успела его узнать.

“В любом случае, я бы попробовал” – гремит в голове его фраза, с которой я... согласна.

Не переодеваясь, прохожу в спальню и из клатча достаю телефон. Червячок грызет изнутри, сомнения поселяет и перемешивает большой ложкой, сбивая с курса.

Если Артур – поклонник, зачем так надо было заморачиваться? Не понимаю...

“Белые розы тоже очень красивые”, – пишу на незнакомый номер, который так и не придумала, как записать в книжке.

Я не знаю, зачем это делаю. Просто хочу увидеть еще пару слов от него.

“Оказывается, белый цвет – к разлуке”, – отвечает спустя несколько минут. Успеваю вся известись.

“Больше не будешь дарить белые розы?”

Снимаю платье, белье, собираюсь идти в душ. Мысли в голове как рой пчел. Кружат вокруг, схватить невозможно, рискуешь ужалиться.

“Нет.”

“Я не хочу с тобой расставаться”, – летит вдогонку.

“Как тебя зовут?”, – немедленно пишу ответ.

“Спокойной ночи, Соня”

Глава 5.

Соня.

– Все хорошо? – обеспокоенно спрашивает Артур, когда помогает мне выйти из машины.

– Конечно, – отвечаю коротко и пальцами вцепляюсь в его руку.

Почему-то волнуюсь, хотя это далеко не первой мой такой вечер.

Артур воспринимает мое поведение по-своему и притягивает к себе. А я не отталкиваю.

Мы подъехали к гостиничному комплексу, где на территории шикарный ресторан. Все забронировано за моим отцом в честь подписания договора между его фирмой и компанией Бисаровых.

– Шампанское? – заботливо спрашивает, – насколько мне известно, на него заложили неплохие деньги в бюджет. Должно быть достойное.

Киваю.

Не люблю алкоголь. Редко могу позволить себе бокал вина или шампанское в новогоднюю ночь. Сейчас исключение. Хочу чуть расслабиться. Напряжение в каждой клетке. Это несколько странно и сильно меня беспокоит.

Артур возвращается с двумя фужерами, наполненные ровно вполовину.

– Успел, – выдыхает, – забрал последние с подноса.

Бисаров ведет себя расслабленно, спокойно. Ему происходящее нравится, и он выглядит довольным. А может, рад тому, что я пошла ему навстречу и согласилась поехать вместе с ним.

Уверена, его родители, да и мои, обрадуются. Погладят по головке и шепнут на ушко “молодец”.

Руку снова кладу на его предплечье. Хочу уловить хоть каплю поддержки от него. И она вроде бы есть. Взгляды его, слова... Но у меня стойкое ощущение, что мы просто играем наши роли.

Я всю жизнь нахожусь в театре, танцую, играю. Научилась нутром чувствовать фальшь.

– О, родители, – говорит тихо, делает маленький глоток шампанского и отставляет его в сторону.

А оно ничего такое, шампанское это. Пузырьки приятно покалывают язык, а в желудке поселяется хмельное тепло.

Отец Артура – немного тучный, низкого роста мужчина с залысинами и пухлыми губами. Зовут, насколько я помню, Георгий Андреевич. Мать – красивая женщина с густыми темными волосами. Сейчас она в сногшибательном платье, блестящем и длинном. Елена Яковлевна Бисарова.

– Братишка, я думал, еще до открытия будешь тут двери подпирать, а ты вон как, аж опоздал. За балериной ездил? – Гордей Бисаров в своем репертуаре.

Это я поняла еще с того вечера, когда нас всех представи-

ли друг друга. Говорит, что думает, и его не заботит, что на это скажут его родители.

Артур сцепил зубы, напряженные губы превратились в тоненькую полосочку. Он смотрит на родного брата как на врага. Только молчит, отпор не дает.

– Добрый вечер, – здороваюсь, чтобы как-то усмирить военный дух, промелькнувшие между братьями.

– София, прекрасно выглядишь. Как всегда изысканно, с иголки, – мило поет Елена Яковлевна.

На мне белое шелковое платье с длинными рукавами, но открытыми плечами.

– И белый цвет очень тебе к лицу. Так на невесту похожа.

Смущаюсь. Это было сказано специально. Левую щеку начинает печь. Бисаров, не прерываясь, смотрит на меня, обводит взглядом профиль. В ноздри проникает запах Артура, словно он склонился надо мной и вот-вот поцелует.

А я молюсь, чтобы это была только игра моего воображения.

– Твои родители, – шепчет на ухо. Рукой касается талии.

Не могу разобраться в ощущениях: хочется смахнуть или все же оставить? От его ладони тепло, она не вызывает чувство чего-то чужеродного.

Отец подходит вместе с мамой. А позади них Дмитрий. Следует тенью.

Его взгляд морозит, в горле мгновенно пересыхает... И я отодвигаюсь от Артура, убираю теплую ладонь со своей та-

лии. Кто бы еще мне объяснил, почему я так сделала.

Что вообще безопасник здесь делает?

Наши взгляды, как тогда на кухне, перекрещиваются, связываются крепкими узлами, а тело натягивается стрункой.

Я слышу, как родители здороваются, Артур отвечает пару комплиментов моей маме, Гордей вставляет несколько шуток. Семейная встреча, не меньше.

– Должен сказать, София, – обращается старший Бисаров, – вы с Артуром очень хорошо смотрите вместе.

– Да, такая красивая пара, – делает вставку моя мама.

– Смотрю на них и думаю, когда успели вырасти, что нет-нет, а разговор о свадьбе заведут, – добавляет мама Артура.

Слова, слова, еще много слов, которые складываются в слащавые предложения, от которых заработаешь диабет.

Хочется заткнуть уши и убежать. От выпитого алкоголя мозги становятся ватными, плохо соображаю. Думать ясно не выходит.

Только мы с Дмитрием постоянно ловим взгляд друг друга, исследуем.

Он, как и всегда, хмурый, глаза сощуренные. Губы...

– Можно Вас пригласить, София Сергеевна? – спрашивает. Воздух, как газ, взрывается вокруг меня, и я не могу сделать и вдоха.

Даже не услышала, что музыканты заиграли медленную музыку. В центре зала танцуют пары. И Дмитрий хочет...

Он не смотрит ни на отца, ни на Артура, только на меня.

Ему нужно мое разрешение.

Вместо того чтобы отказать, кладу свою руку в его раскрытую ладонь и, кажется, проваливаюсь сквозь землю. Там горячо. По венам течет уже не кровь, а раскаленная лава из жерла вулкана. И льется, льется бурным потоком.

Пальцы трясутся, когда он зажимает их в своей руке и выводит в центр. На нас смотрят сотни глаз, каждый взгляд липкий, как растаявшая сахарная вата, на которую сползаются все насекомые, чтобы полакомиться.

– Ты дрожишь, – говорит ровно.

Сердце дребезжит как старая техника, готовая вот-вот сломаться и вконец остановиться.

– Здесь холодно, – отвечаю не своим голосом.

Вру. В помещении жарко и душно. Хочется нырнуть в ледяную воду и охладиться. Перестаю себя понимать, и нет ни одной мысли, что же со мной происходит.

– Здесь жарко, – снова ровно произносит.

Его правая рука на талии заняла место, где несколько минут назад находилась ладонь Артура. Дмитрий сделал это специально. Вычистил прошлые ощущения и грубо оставил свои.

Кожа пылает. Кажется, я своими клетками чувствую его. Магия. Или бред...

– Будь осторожна с Бисаровыми. Всеми, – наклоняется и шепотом касается ушной раковины.

Музыка заканчивается, пары останавливаются и расхо-

дятся. А у нас не получается.

– Я уже думал, вы не вернете мне мою девушку!

Артур оказывается рядом с нами, словно ждал этого момента давно. Секунды считал, а оторвать меня от Дмитрия не позволяло воспитание и люди вокруг.

– Прошла всего лишь минута, Артур Георгиевич, – вежливо отвечает.

Без грамма волнения. Четко, сухо, холодно. В этом весь он – Дмитрий Гаранин.

Короткий последний взгляд в мои глаза, и безопасник разворачивается и уходит. Мне остается только наблюдать, как его широкая спина становится все меньше и меньше, пока он не скрывается за толпой.

– Хочешь, мы можем уехать отсюда? – с нежностью спрашивает Артур и приобнимает за плечи.

А мне хочется руки его стряхнуть, взгляд смахнуть.

– Пожалуй, – отвечаю сухо. Успела научиться у Гаранина.

Мы прощаемся с родителями, которые расцеловывают нас в обе щеки, словно провожают молодых на первую брачную ночь. Тошно и мутно от всего этого.

Ко входу уже подогнали авто Артура. Мы спускаемся по ступенькам молча, когда в спину вновь летит морозный выстрел. Прямо между лопаток, в область сердца. Резкий выдох, судорога и хриплый вдох. Ровно тот взгляд, который я чувствовала на себя в доме родителей.

Оборачиваюсь.

Дмитрий стоит на крыльце и курит. Затачивается сильно и выдыхает сизую струю дыма. Я слышу треск тлеющей сигареты, а на языке щекочет горечь никотина. Между нами порядка пятнадцати метров.

– Прошу, – Артур открывает передо мной дверь и кладет руку ровно в то место, куда “стрелял” взгляд. Защищает?

– Спасибо.

Сажусь в машину, так больше и не повернувшись лицом к безопаснику. Я больше не хочу его видеть и слышать. Хочу, чтобы в моей жизни он больше не появлялся.

Глава 6.

Соня.

Артур молча ведет машину. В салоне душно, но у него не возникает мысли включить кондиционер. Мне же любопытно, через сколько времени Бисаров сообразит и догадается хотя бы уточнить, не жарко ли мне.

Напряжение в воздухе такое, словно вот-вот начнется гроза. Где-то вдали сверкают молнию и слышатся раскаты грома.

Только за окном осень. И скорее пойдет снег, нежели гроза.

– Что ты знаешь про вашего безопасника? – спрашивает.

Артур хочет придать голосу безразличия, но его выдает частое дыхание и упрямый, прямой взгляд. Обычно в беседе на человека принято хоть иногда бросать взгляд. Даже за рулем. Секунду в глаза – и снова на дорогу.

Бисаров же меня игнорирует.

На его вопрос тело отзывается судорогой. Ноги сводит, руки немеют, в горле пересыхает. Я будто нахожусь в пустыне, где мне осталось жить считанные секунды.

– А что ты хочешь услышать? – выдавливаю слова.

Говорить трудно, касаться этой темы тоже сложно. А почему? Ответа нет.

– Как давно на вас работает, как его фамилия и сколько

ему лет, где служил и работал? – замолкает. Потом добавляет чуть тише, – как часто ты с ним видишься?

Меня окатывают ледяной водой. Язык вырывают с корнем.

– А зачем тебе это информация?

– Я ему не доверяю. Будь с ним осторожна, София, – говорит чуть мягче и, наконец, смотрит на меня.

Хочется сказать, что то же самое мне озвучил Дмитрий: “будь осторожна с Бисаровыми. Всеми”. Но молчу. И буду молчать. Как бы мне ни нравился Гаранин, он работает на мою семью, а значит, действует в наших интересах. Или в моих...

– Спасибо за предупреждение, – решаю завершить разговор.

Отворачиваюсь к окну. В голове все еще мелькают воспоминания нашего с Дмитрием танца. Господи, всего лишь минута, а я до сих пор чувствую его руку у себя на талии. До сих пор!

Бисаров касался меня дольше, а что я чувствовала в тот момент – не помню. И правда, все стерлось. Словно ластиком прошлись.

– Как тебе мой брат? – спрашивает, прочистив горло.

Резко поворачиваю голову в его сторону. Не могу понять, мне слышалось? Это такая незавуалированная ревность? Сначала про Гаранина, потом про Гордея?

– С какой целью спрашиваешь?

Артур усмеваются, черты лица сглаживаются. Теперь его взгляд не хмурый, немного повеселел.

– Заметила, что на мой вопрос, ты отвечаешь вопросом? – долгий взгляд на меня, будто позабыл, что должен следить за дорогой.

Вечер, темно, и именно сейчас ему стало на это плевать.

– Ты защищаешься, София, – не дождавшись моих слов, отвечает.

Мы едем быстро. По бокам проносятся дома, деревья, какие-то поля. С каждой секундой стрелка спидометра ползет вверх. Мое сердце бьется в такт двигателю. Шум в ушах заглушает мысли.

– Артур, – пытаюсь я до него докричаться.

Он не слышит. Мне становится страшно.

За поворотом нас останавливают сотрудники ДПС. Готова сейчас молиться на них. Ведь была в шаге от того, чтобы набрать отца.

Непроницаемая маска, которая была на лице Бисарова, пока он как ненормальный давил педаль газа в пол, спадает. На ее место возвращается прежней Артур.

– Черт, прости, испугалась? – обеспокоенно спрашивает. Не нахожусь что ответить.

“Да, смертельно?” Или “нет, что ты, слегка пощекотала нервишки”?

– Я не люблю скорость.

Бисаров протягивает ко мне руку и касается щеки, ве-

дет вдоль и пальцами цепляет подбородок. Взгляд при этом строго в мои глаза.

Должна что-то почувствовать. Его горячая ладонь трогает кожу, мы дышим одним воздухом на двоих. В моей крови хоть и маленькая, но доза алкоголя. В его... тоже, но я напрочь об этом забыла, потому что чертов Гаранин тумблером отключил мой разум.

– Все будет хорошо, София, – подмигивает и поворачивается к окну, где уже вовсю стучит инспектор.

Артур выходит из машины. Уверенный, со взглядом победителя и повадками хозяина.

Он сказал, что все будет хорошо, но внутри до сих пор зреет желание выбраться из машины и вызвать такси. Да хоть набрать Михаила, чтобы забрал меня... Находиться рядом с Артуром становится сложно.

– София, в бардачке документы. Посмотри, пожалуйста, – просит ласково.

Открываю. В ноги падает много бумаг, фантики, чеки... упаковка презервативов.

Быстро смотрю в окно, Артур не видит находки. А я чувствую себя воришкой, роюсь там, где не надо, хоть меня и попросили.

Снова бумаги, визитки... Глазами натыкаюсь на яркий клочок картона с надписью салона цветов.

Застываю с визиткой, зажатой между пальцев. Читаю мелкие буквы, не моргаю. Сердце колотится и бьет по ребрам.

На лицевой стороне один из моих букетов – корзинка тюльпанов. Я не сумасшедшая и понимаю, что такие композиции могут собрать в любом приличном магазине. Но почему именно сейчас, здесь, в машине, я случайно нахожу визитку именно с картинкой моего букета?

– Артур, – зову его. Даже забыла, что конкретно он просил найти меня в бардачке.

Все мысли теперь крутятся вокруг этой визитки.

Выхожу из машины с этим дурацким клочком бумажки. Бисаров разговаривает с инспектором. Тот спрашивает что-то, просит показать. Бисаров расставил ноги на ширину плеч и борзо смотрит.

Артур чувствуют свою безнаказанность.

Издалека нас освещает свет фар, слепят. Машина останавливается ровно за авто Бисарова. Это не случайный проезжающий.

Ноги врастают в землю. Снова становится неимоверно холодно. Вспоминаю про шубу, которая осталась лежать на заднем сиденье, но понимаю, что замерзну и в ней. Ледяные глаза обмораживают конечности, а в сердце летят сотни острых льдинок, как в мишень целятся.

Дмитрий проходит к инспектору, отводит его в сторону и долго с ним разговаривает.

Я слежу за ним, не в силах оторвать взгляда. Как примагниченная пялюсь.

– Что он здесь делает? – раздаётся над ухом. А мне хочется

провести ладонью и убрать надоедающее жужжание.

– Не знаю.

– Черт, отцу теперь доложит.

Говорит зло, процеживая слова сквозь зубы.

– Может, потому что не надо было гнать? Или садиться пьяным за руль? – наконец, отмораживаюсь и поворачиваюсь к Бисарову лицом.

– Пьяным, ты че? – меняет голос, – София, я выпил полбокала шампанского.

– Не надо было мне садиться к тебе в машину, – говорю вслух.

Дмитрий подходит к нам вплотную, взглядом уничтожая Артура. Тот тоже гневно скалится. Дай волю, зашипел бы и вгрызся бы в шею Гаранину.

– В машину, – приказывает Дмитрий, обращаясь ко мне.

Теряюсь и смотрю на обоих во все глаза. Господи, я не вынесу поездки в одной машине с безопасником. Не могу я спокойно находиться рядом с ним. Это сильнее меня.

– Быстро. София Сергеевна, – грозно говорит.

Подбираюсь и все-таки не спеша забираю свою шубу и, вышагивая, иду в машину Гаранина. Черный мерседес представительского класса, на котором всегда ездит мой отец.

– О том, что вы нарушили ПДД и сели пьяным за руль, я доложу Вашему отцу, Артур Георгиевич, – слышу, когда открываю пассажирскую дверь.

– Ублюдок, – отвечает Бисаров.

В руках смята визитка цветочного магазина. Я так и не успела ничего узнать у Артура.

Глава 7.

Соня.

– Понравилось с пьяным ездить? – спрашивает нейтрально.

Поза только напряженная, взгляд хлещет сильнее прутика, а пальцы так вцепились в оплетку руля, что слышу протяжный скрип.

– Артур не был пьяным! – выкрикиваю отчаянно.

Не понимаю, почему защищаю Бисарова. Вспомни я о том, что мы на вечере пили шампанское, не села бы к Артуру в машину. И часть своей вины не отрицаю.

Но ничего же не случилось, точнее, все обошлось.

А Гаранин сейчас изредка смотрит в зеркало заднего вида и, кажется, считает меня виновной во всех бедах и несчастьях.

– Ты в курсе, что средняя скорость реакции водителя – секунда. Все зависит от сложности ситуации, происходящей на проезжей части. А если водитель выпил алкоголь, время реакции возрастает до 2,5 с.

– Вы.

– Что? – не понимает.

Дмитрий бросает частые взгляды на меня. Брови нахмурены, сейчас Гаранин больше похож на какого-то обиженного зверька.

– Вы в курсе, – поправляю сказанное им ранее, – прошу обращаться ко мне на “Вы”. Не следует “тыкать”, я не твоя подружка, – стараюсь говорить ровно, словно меня нисколько не задевает.

А внутри все горит от обиды и толики страха. Воздух сгущается над нами как грозовые тучи. Повисшее молчание режет лезвием.

Дмитрий ведет машину уверенно, не нарушая скоростной режим. В салоне пахнет какой-то ванилью, чистой кожей и чем-то мужским и терпким. От этого всего коктейля слюна скапливается во рту.

– Не Ваша подружка, – отвечает спустя время.

– Не поняла...

– Я не Ваш друг, чтобы Вы мне “тыкали”, – платит той же монетой.

Не могу дышать, легкие словно наполнили огнем, который сжигает весь кислород, наполняя тело и все клетки углекислым газом.

От негодования весь запас слов исчерпан, мне остается только открывать и закрывать рот как рыба. Глупая, пучеглазая рыбешка.

Путь до дома занимает еще полчаса. За это время вся извилась. Оно тянулось как жвачка. Я постоянно слышала его тяжелое, глубокое дыхание, а взглядом упиралась в его руки на руле.

Господи, невыносимо находиться с ним рядом. Каждая

его деталь манит меня, приковывает к себе стальной скрепкой.

Как только машина остановилась у нужного подъезда, вылетаю из машины как персонаж мультика. Лишь бы больше не говорить с ним, не смотреть на него. Не видеть и не слышать.

– София. Сергеевна, – окликает.

Гаранин вальяжно выходит из машины, достает сигарету, сексуальным движением прикуривает от какой-то пантовой зажигалки и выстреливает в меня своим фирменным взглядом с прищуром.

Сердце бахает куда-то в область солнечного сплетения. Там же я и чувствую гулкие удары.

Он обходит автомобиль и встает со мной непозволительно близко. Грубо нарушает мое личное пространство. Специально.

Теперь сердце срывается с цепи, колотится, разгоняя кровь до бешеной отметки. Чувствую, как краска вмиг приливает к щекам, уши начинают гореть, а ладони покалывать.

– Почему ты села к нему в машину? – затягивается, выпускаю дым поверх моей головы. Он оседает тяжестью на плечах, – стоп, Вы сели.

В глазах пляшут бесы. Голубая радужка стала темно-синей. И от нее осталась лишь тоненькая полосочка.

– Не должна была?

– Вы встречаетесь? – перебивает.

В носу пробивается его запах, смешанный с горечью никотина. Хочу отвернуться, вдохнуть свежего воздуха.

– Возможно.

Замечаю, как желваки начали ходить ходуном, губы напрыглись, а пальцы, которые сжимают тлеющую сигарету, задрожали.

Гаранин делает еще шаг мне навстречу. Теперь мы стоим очень близко. Пуговицы его пиджака задевают мою грудь и живот. А дыхание касается ключицы, шеи и... губ. По ним как будто расплавленным воском провели.

– Так понравился? – спрашивает с усмешкой.

– Возможно, – повторяю.

– Помнишь, о чем тебя предупреждал? – докуривает и выбрасывает на тротуар. Подмечаю и морщусь. Ненавижу, когда кто-то так делает: не выкидывает за собой мусор.

– Я в ваших советах не нуждаюсь, Дмитрий. И отойдите от меня, пожалуйста. Мне противно находиться так близко к Вам, – говорю, глядя в глаза.

По его лицу пробежала тень. Кадык дернулся, губы скривились, словно он испытывает дикую головную боль.

Гаранин отступает, в стороны разводит руки и улыбается безумно. Такого я вижу его впервые.

Отхожу к подъезду и, чуть развернув к нему голову, чтобы видеть только боковым зрением, сдавленно произношу:

– Мусор за собой не забудьте убрать, потушенную сигарету можно выбросить в урну, как делают это приличные, вос-

питанные люди.

Останавливаюсь, спиной чувствую его взгляд, который стреляет. Хотя броню уже надевай. Вонзает что-то острое насквозь.

Дмитрий подходит к своему окурку, поднимает его с тротуара и кидает в урну. Страхивает руки от пыли и поднимает в примирительном жесте.

Мне стыдно за сказанное, за свое поведение. Но если это разделит нас, и мы будем встречаться как можно реже, что ж, переживу. В конце концов, никто никого не обзывал и не оскорблял.

– Спокойной ночи, София Сергеевна.

Не отвечаю.

Гаранин садится в машину и с пробуксовкой стартует. Через пару минут автомобиль скрывается за поворотом.

И я поняла, что не дышала все это время. Закрываю лицо руками и стараюсь выровнять дыхание.

Глава 8.

Соня.

На следующий день мы с Милой решили пробежаться по магазинам. Мне нужно проветрить мозги, подруге обновить гардероб.

Хочется и поделиться случившемся, и никому ничего не рассказывать. Странно вообще себя чувствую после вчерашнего вечера. Даже захотелось набрать номер Дмитрия и извиниться за сказанное. Алкоголь в крови, такое ощущение, и со мной сыграл злую шутку.

Но идею отменяю, стоило вспомнить его взгляд, темные глаза, да и самого Гаранина.

– Скоро у папы день рождения, пойдем зайдём в мужскую парфюмерию, хочу присмотреть подарок? – спрашивает, складывая кучу разноцветных пакетов в одну руку.

У меня же один скромненький. Нижнее бельё. Бралетт цвета шампань и такие же трусы-бразилиана. Не знаю, зачем купила. Всего этого добра хватает, а как увидела, не сдержалась.

Милка принимает к каждому флакончику, я лишь разглядываю витрины и обвожу взглядом стенды.

Дыхание рвется, кожа ладоней начинает потеть, а перед глазами какая-то муть – сплошные разводы, пятна и блики: уже чувствую, когда мне пишет поклонник. Оповещение о

входящем сообщении отдается вибрацией по всему телу.

Трясущимися руками беру телефон в руку и открываю.

“Привет”

Скучно.

Но я не могу оставить без ответа. Поэтому пишу ему тоже “привет”.

Облокотилась о какой-то рекламный щит. Ногой отбиваю ритм, привлекая излишнее внимание. На меня косятся консультанты, но заговорить не решаются. Еще немного, и начну грызть ногти от чрезмерного напряжения.

Ну почему он молчит?

“Если мы когда-нибудь встретимся, и я тебе не понравлюсь?” – приходит спустя время.

Перечитываю дважды. Улыбаюсь так по-дурацки. Не имею пока понятия, кто этот человек, что шлет мне цветы, пишет странные сообщения и задает еще более странные вопросы. И, наверное, сойду за сумасшедшую, но не чувствую здесь никакой опасности. Мне даже нравится вся эта таинственность.

А еще не покидает стойкое ощущение, что я его все-так знаю. Он где-то рядом... Совсем-совсем близко.

“Тебе семьдесят лет, одна нога, три зуба и жена в придачу?” – пишу глупый ответ.

Улыбаюсь, хихикаю и глазами впиваюсь в написанное сообщение.

“Только жена. Ничего?”

– Ты чего там стоишь?

Мила пугает меня своим вопросом и внезапным появлением. Появилась из ниоткуда и громко спрашивает. Мыслями же я в переписке с поклонником.

– Ничего.

– А улыбаешься почему так... загадочно? – сощурила глаза и по лицу бродит, как дознаватель со стажем.

Черт. Все-таки не готова сейчас раскрыть свой секрет. Не поймет. Никто не поймет.

– Зойка мем смешной прислала, – сваливаю все на подругу.

– Странно, а мне не прислала, – ведет плечами, – ладно пойдем, покажу, что выбрала.

Мила подводит меня к стойке с нишевой парфюмерией и показывает обычные флаконы, ничего примечательного. Беру один и подношу к носу. Глубокий вдох – и передо мной темно-синие глаза, сжатые губы, до которых хочется коснуться. Еще слышу звук тлеющей сигареты, а язык покалывает, будто на него стряхнули пепел.

Чертовщина какая-то.

“Соня... Мне кажется, когда мы встретимся, я увижу разочарование в твоих глазах.”

Крышка от флакона падает, разбиваясь.

“Когда мы встретимся...”, – повторяю про себя. Но мы же встретимся, получается?

Консультанты убирают разбитое стекло, я извиняюсь. Все

так быстро происходит, не нахожусь, что ответить и как правильно себя вести. Картинки в голове смешиваются с ощущениями в теле. Его слова печатаются на подкорке, даже слышу звук печатающей машинки.

“А если я тебя разочарую? Я не такая хорошая и добрая, как ты себе вообразил” – пишу ответ.

Застываю с телефоном в руках. Мила что-то мне говорит, я не вникаю. Запахи кутают до тошноты. Их очень много. Хочется убежать, скрыться.

“Но ты очень красивая, Соня”

Сообщение гаснет и на черном экране вижу светящееся имя Артура. Не вовремя. Хоть сбрасывай звонок. Но я правильная девочка, не могу так поступить.

– Алле, Соня, добрый день, – прочищает горло. Такое впечатление, что он только что проснулся. А ночь провел не в своей постели, а где-то в клубе.

– Добрый, – сухо здороваюсь.

– Извини меня за вчерашнее. Ты оказалась права, мне не следовало садиться за руль. Хотел тебя увезти, а получилось очень некрасиво. Я раскаиваюсь.

Вздыхаю. Что он ждет, чтобы я ему ответила? Мне сейчас стало так ровно на ту ситуацию. Гораздо волнительней, что у меня сердце сейчас бьется в клетке как птица от нашей переписки с поклонником.

– Хорошо, Артур. Ты тоже извини, что остался один там на дороге.

Бисаров замолкает. А я вспоминаю его стычку с Гараниным. Артур обозвал его ублюдком, а Дмитрий хмыкнул, будто отхватил сектор-приз.

– Я могу встретить тебя после выступления? – вежливо спрашивает.

Пожимаю плечами.

В голове все еще сидит мысль, что Артур может быть поклонником.

– Хорошо. Ты можешь меня встретить, – соглашаюсь.

– Спасибо. Мне правда жаль по поводу вчерашнего. Обещаю, больше этого не повторится, – повеселел сразу. Вдруг, ему и правда стыдно за произошедшее? Алкоголь и не такое творит с людьми.

– Артур, – восклицаю неожиданно даже для самой себя, – мне будет приятно получить мои любимые цветы от тебя в качестве извинений.

Господи, какая наглость! Но другого выхода не вижу.

– Есть!

Кладем трубку одновременно. А поклоннику пишу: “Знаешь, какие мои любимые цветы?”

Ответ приходит через несколько секунд: “Красные розы”.

Глава 9.

Соня.

– Привет, – здороваюсь первой.

Артур стоит на первой ступеньке и смотрит на меня снизу вверх. В руках коробка с цветами. Дыхание перехватывает, когда я замечаю большие красные розы.

– Нравится? – спрашивает, заметив, как я пристально изучаю его “извинение”.

– Да, – смущенно отвечаю, сканируя бутоны и белых роз, которые разбавляют бордовые всплески.

Он протягивает мне коробку, где собрана вся композиция. С легкостью беру ее в руки, подмечая, что мой любимый букет от поклонника, тот, из бордовых роз, был необъятный и очень тяжелый.

– Значит, извинения приняты?

Артур протягивает мне свою ладонь. Она большая, ухоженная, по-мужски красивая. Подарив скромную улыбку, я кладу в нее свою руку.

Бисаров улыбается, одаривая меня своей белоснежной улыбкой, и ведет к своей машине.

Не покидает ощущение, что за нами следят. Между лопаток постоянно жжет, словно раскаленное железо мимолетно касается, оставляя уродливый отпечаток.

– Все в порядке? – спрашивает, когда я в очередной раз

оборачиваюсь.

– Конечно, – усаживаюсь на пассажирское сиденье и захлопываю поскорее дверь.

Обрубаю непонятные мне ощущения.

– Хочу показать тебе любимое место. Можно?

В свете фар и огней города его глаза блестят по-особенному. Зазывно, что ль. Хотя он и хочет казаться правильным и воспитанным, в душе тот еще чертенок.

Но мне хочется узнать другую его сторону. Ту, что он не показывает родителям или знакомым его родителей. Даже той, кому предложили ему в жены.

Хочу узнать, кто такой Артур Бисаров. Может, Гаранин только кипиш наводит со своими “будь осторожна”?

Вглядываюсь получше в его черты лица, взгляд, всматриваюсь пристальней и ничего предосудительного не вижу.

Да, выпил немного, нарушил правило, но ведь извинился. В конце концов, кто из нас безгрешен? Гаранин? Уж за его плечами грешки посерьезней будут, в этом уверена.

– А... куда мы едем?

Находясь в своих мыслях, не заметила, что мы выехали за черту города. Фонари по двум сторонам дороги исчезли. Путь освещается только фарами дальнего вида.

Чувствую себя сейчас некомфортно. Не сказать, что я не люблю сюрпризы. Но, говоря о том, что он хочет показать мне любимое место, думала, что это будет ресторан, парк или что-то в этом роде.

А передо мной дорога, снова жуткая темень и Артур по левую руку.

Рефлекторно вжимаюсь в кресло, ноги свожу вместе, а пальцами сдавливаю крохотную сумочку на коленях. Кажется, даже волоски напряглись на моей голове.

– Нам долго ехать? – спрашиваю не своим голосом.

Почему в таких ситуациях, когда надо что-то делать: кричать, звать на помощь, отбиваться – делать все, чтобы спастись, многих словно парализует. Язык присыхает к небу, мышцы атрофируются, за всем будто наблюдаешь со стороны?

Думаю и не понимаю, почему такое происходит со мной. Я не трусиха, научилась работать со своим страхом. Однако сейчас опутана сетями – не выбраться.

– Минут пятнадцать еще, – отвечает, не переводя на меня взгляда.

Кусаю губы, что они становятся чувствительными. Дыхание жесткое и каждый вдох дается с трудом. Маленький салон сужается, а крыша кажется очень низкой. Это все игра моего воображения – шепчут остатки разума. А сердце сжимается и разжимается слишком часто.

– В этом поселке был куплен наш первый дом, – рассказывает довольно спокойным голосом и указывает направо.

Ну бред, не везет он меня насиловать, расчленять и закапывать в лесу. Мне кажется, мы с девчонками просто пересмотрели триллеров. Пора завязывать с такими жанрами.

Вон, Зойка, мелодрамы обожает. Чем они меня-то раздражают?

– Смотри, как расстроился. Раньше здесь было всего несколько домов. Недалеко красивый пруд.

– И конечно, все под охраной, – аккуратно интересуюсь.

– Нет, – Артур ни о чем не догадывается и ничего не замечает. Либо делает вид, – ну, раньше по крайней мере стояла только небольшая будка с охранником. Сейчас, возможно, увеличили штат.

Я выдыхаю, хотя понимаю, что еще рано.

Бисаров как-то находит небольшую дорожку, куда, сбавив скорость, плавно заезжает.

Нет ни указателей, ни какого-либо лучика света. Кромешная тьма, тишина и мое бешено колотящееся сердце.

Надо было все-таки попросить у Дмитрия прощение. Неправильно с ним тогда себя повела. Эгоистично и высокомерно, как самая настоящая сука. Я ведь не такая...

– Артур, а мы где? – дрожащим голосом спрашиваю.

Бисаров не отвечает. Останавливает машину, выходит и идет открывать багажник. В голове проносятся слова прощание с мамой, папой, девчонками. Не забыла про Михаила, которого я последнее время вообще не видела, у него же другой “объект”.

Остаюсь сидеть в машине.

На телефоне связь то появляется, то пропадает. Интернет работает с перебоями. Конечно, мы же в лесу, в самой глуши.

Не слышно ни одной проезжающей машины.

– Ты чего, София? – резко открывает дверь Артур.

Выглядит нормально. Остался таким же. В глазах нет никакого сумасшествия, все движения обычного человека. Он даже вроде как переживает...

– Забылась, – шепчу и шумно сглатываю слюну.

– Пойдем. Это еще не все.

Готова взмолиться, чтобы уже отвез меня назад. Официально заявляю, что с этой минуты я не люблю сюрпризы.

Тропинка ведет вглубь леса. Но она довольно облагороженная. Видно, что ею пользуются. Путь Бисаров освещает фонариком. За спиной у Артура какие-то мешки, корзинка, очень похожая на ту, что обычно берут с собой на пикник, плед.

Логика подбрасывает мне разные идеи, но страх пока настолько велик, что вспоминается сказка, когда от этого самого страха герои видели то, чего нет.

– Не отставай, – уверенно говорит. Он знает, куда ведет и зачем.

На улице глубокая осень. Под ногами много опавших листьев, земля начинает промерзать, я чувствую холод, который пробирается от стоп и движется вверх, как будто чьи-то ледяные руки касаются.

У меня буквально идет мороз по коже.

– Вот, мы пришли.

Артур доводит нас до конца тропинке. Здесь открывается

шикарный вид на тот самый поселок и озеро. По периметру горят огни. Уверена, об этом позаботились жители. На небе горит луна и много-много звезд.

От красоты теряю дар речи.

Господи, ради такой картинки и побояться можно. Теперь хочется рассмеяться и рассказать все Бисарову, как София Мещерская уже рассталась с жизнью.

Прощения у Гаранина можно и не просить. Пожалуй, еще поживу.

– Как тебе? – Артур смотрит заворуженно на меня. Ждет ответа.

Сейчас он выглядит красивым, милым. Да что уж, очаровательным. Закусываю губу от пришедших на ум мыслей. Если он все-таки такой хороший, почему бы и правда не попробовать с ним? Ну, отношения в смысле.

– Мне нравится. Это правда твое любимое место?

– Угу. Летом тут интересней. И покупать можно. Сейчас, конечно, холодно и, – делает паузу, – темно.

Бисаров опускает голову, будто извиняется, а потом резко спохватывается и начинает доставить небольшой столик, два походных кресла и еду для пикника из... корзинки для пикника.

– Понимаю, выглядит очень странно. И, возможно, ты рассчитывала на ресторан. Но у нас ведь все впереди, да, София? – смотрит в глаза, а чувство, что глубже заглядывает, мысли старается прочесть.

Отворачиваюсь. Момент какой-то очень интимный был.
– Успеется. С рестораном, – уточняю.

На столике появляется вино, фрукты, конфеты. Замечаю термос и две чашки к нему. Обо всем подумал.

– Я вино пить не буду, – уточняет строго, – это для тебя. Если, конечно, захочешь.

Улыбаюсь. Мне и правда приятно такое внимание. Еще никто и никогда такого для меня не делал.

– Артур, – хочу задать мучащий меня вопрос, – а почему красные розы? В букете?

Сердце поставлено на паузу. От волнения оно замерло. Не отрываю от его лица взгляда, ловлю каждую деталь, что сможет подсказать: он это или нет.

Сейчас хочется, чтобы это был он.

– Они же твои любимые. Нет? – чуть обиженно смотрит. И правда, милым выглядит.

– Любимые, – подтверждаю, беру клубнику и откусываю маленький кусок. Позаботился, нашел, где такая вкусная продается.

– Но чисто-красные розы у тебя же уже были. Я видел.

“Я видел”... Бисаров не спрашивает, от кого был тот букет. Не спрашивает... Потому что знает?

Артур подходит ближе и кладет свои руки мне на плечи, слегка сжимает и притягивает к себе. Я слышу долгий, глубокий вдох.

По телу проходит озноб, и я дергаюсь. Воздух вокруг рез-

ко опустился до критического минуса, а потом снова поднялся до терпимого плюса.

– Испугалась? – спрашивает очень близко.

Дыхание ощущаю на затылке. Бисаров выше меня, сильнее. Он мужчина, я женщина. Должна испытывать какое-то наслаждение от такой близости. Внутри что-то должно такое происходить похожее на взрывы.

Ищу это, ищу тщательно.

– Есть немного. Если ты хотел меня удивить, то у тебя получилось.

– Прости. Думал, будет романтично.

Артур разворачивает меня к себе. Мы почти сталкиваемся носами. Бисаров смотрит на меня, я на него. Голубые глаза так и остались голубыми, не вижу темного неба. Оно только над головой.

А хочется, чтобы смотрело на меня, сжирало и пронзало. Обрушивалось...

– Ты такая красивая, София... – наклоняется еще ближе.

Его губы в опасной близости от моих. А я еще даже не поняла, хочу этого поцелуя или нет. Он же к этому ведет?

Прикрываю глаза. Просто даю ему шанс. Ищу эти взрывы, всполохи, чтобы кровь из вен выкипала, а вместо нее разливалась ядерная смесь. И гнала, гнала свои сплавы.

Артур целует нежно, чуть касается кожи губ. Потом слегка захватывает верхнюю и втягивает ее, языком проходит.

И я чувствую его вкус.

Странно. Мне нужно ему ответить, нельзя же стоять как огорошенная, будто никогда не целовалась и не знаю, что такое.

Подаюсь навстречу, открываюсь ему. Глаза прикрыты, все рецепторы работают на полную мощность. Но они полусонные, потому что я все равно ничего не понимаю и ничего не чувствую.

– Ты сладкая, – говорит в губы и облизывает свои. Они покрыты нашей общей слюной.

Дыхание Бисарова частое, взгляд гуляет по моему лицу. Его щеки покрыты румянцем, и он кажется мне мальчишкой. Хулиганистым, вредным и противным. Который всегда добивается своего.

– Ой, извини, пожалуйста, – звонок моего телефона прерывает нас.

Может, и хорошо. Мне нужна секунда передышки, собрать мысли в кучу и понять, что же все-таки чувствую.

На экране имя того, у кого хотела попросить прощения, а потом передумала.

– Черт, как чувствует, – ругается Бисаров и отходит.

Обвожу Артура взглядом, замечая, как он поправляет свои джинсы. Я не дура, от одного нашего поцелуя у него хорошая такая эрекция.

– Слушаю, – отвечаю, когда Бисаров отошел чуть дальше.

Не хочу, чтобы он стал свидетелем нашего разговора, который, я надеюсь, будет коротким.

– София. Сергеевна, – от его обращения закружилась голова. Воздух выкачали из всего леса и всей округи, – мне телефон показывает, что ты... Вы в... лесу.

Говорит с такой претензией, что даже и ответить ничего не могу. Он что? Следит за мной?

– Допустим, – коротко отвечаю и возвращаю взгляд на Бисарова. Тот стоит у кромки воды, голову поднял к небу. Все еще тяжело дышит. Вижу это по часто поднимающимся плечам.

– И что вы там делаете? Одна?

– Я не одна.

Повисает тишина. Такое ощущение, что я сказала что-то лишнее, но это ведь не так. Я просто сказала ему правду. От которой мне неуютно. Станным образом одежда кажется мала, у сапог слишком высокий каблук, а берет сжимает голову до головной боли.

– Я сейчас Вас заберу.

– Не надо.

– Я отвечаю за Вашу безопасность, София Сергеевна. А Вы в лесу, в десять вечера. Еще и с кем-то. Мне вашему отцу так и передать?

Гад. Знает, где больное место. На него и давит.

Отец будет и правда переживать. Несмотря на то что я с Бисаровым.

– Мы заканчиваем. Сейчас попрошу Артура отвезти меня домой. Вам не придется ехать за мной, ну, и докладывать

папе соответственно.

Снова молчание. Господи. Просто положи трубку, Гаранин! При разговоре с ним я теряюсь. То превращаюсь в мямлю, то в суку. Среднего не дано. Среднее Бисарову достается.
– Я сам тебя сейчас заберу, Соня.

Кладет трубку. Его слова как град на меня обрушились. Каждое слово продавливало до отметин. Круглые ледышки застревают в легких, заполняя все альвеолы.

Перед глазами плывет, а по телу проходит жар.
Дышу, дышу глубоко и жадно, рукой за сердце хватаюсь, потому что оно из тела сейчас вырвется.

Спустя минуту на телефон приходит оповещение, что “Безопасник” пытался до меня дозвониться тринадцать раз.
И сообщение от него, которое не успеваю прочитать, потому что он успел его удалить.

Глава 10.

Соня.

Гаранин подъезжает к нам спустя полчаса. Не знаю, как ему удалось нас найти, но вышагивает он по тропинке уверенно.

В правой руке зажата сигарета. Маленький красный огонек как светлячок завораживает. Безопасник в своем любимом костюме, начищенных ботинках, к которым сейчас прилипла листва, и в черном, шерстяном пальто.

Ну, красивый, признаю.

– София, а у него какой-то строгий приказ следить за тобой и контролировать? – первый вопрос, который мне задал Артур после долгого, получасового молчания.

Как только сообщила Бисарову, что Дмитрий едет меня забирать, романтика вечера улетучилась. Артур закрылся и даже не подходил ко мне. Смотрел вдаль озера и молчал.

Я замерзла, ноги околели. Мне безумно хотелось чашечку горячего чая, что из термоса. Или кофе. Его пожалуй, даже больше.

– Если со мной что-то случится, Гаранину влетит от моего отца, – оправдываю Дмитрия.

Хотя я до сих пор не понимаю, почему нужно самому ехать в глушь, когда есть Михаил. Хороший, юморной парень. Мой водитель. С ним было спокойно, иногда весело.

Он рассказывал разные истории из жизни и покупал мне кофе.

– Ну ты же со мной. Он в курсе? Про то, что твой отец точно не будет против нашего с тобой общения, про совместный проект наших семей, как он важен для нас и нашего будущего?

Артур заводится. И мне это не нравится.

Лично я встретила с ним в первую очередь потому, что мне интересен сам Бисаров. Будь на его месте кто-то другой, кто не вызывал бы интерес, и не подумала бы идти на свидание.

– Добрый вечер, – здоровается Дмитрий.

Именно в тот момент, когда Бисаров сказал последнее слово. А говорил он громко, чтобы слышал Гарантин.

Выпендрежники. Оба.

– Ни хера не добрый.

Слышу второе грубое слово от Бисарова, которое вылетает в адрес Дмитрия.

– Я смотрю, другого места для ночных свиданий не нашли, Артур Георгиевич.

Гаранин отфутболивает какую-то то ли шишку, то ли камешек в сторону. Улыбается широко, а глаза горят, будто оно и есть звездное небо.

Расстегиваю верхнюю пуговицу пальто, становится жарко, несмотря на поднявшийся ветер.

– Я тут подумал, Дмитрий, – Бисаров выделили имя без-

опасника четко, словно выбил его на камне, – может, мне сообщить о ваших вольностях Сергею Анатольевичу?

Гаранин достает вторую сигарету, прикуривает. Я как под гипнозом ловлю каждую деталь, а про себя все фиксирую: красивые мужские пальцы, “чирк” зажигалки, напряженные губы, которые сжимают сигарету, глубокая затяжка и тонна сизого дыма, выпущенная вверх.

– Мне сделать звонок? – говорит легко, будто мячик для пинг-понга ракеткой отбивает.

Артур набирает воздуха в легкие, приоткрывает рот, но остается молчать. Даже как-то обидно за него. Неравный бой, получается, в чем-то даже нечестный.

– София. Сергеевна. Вы замерзли. В машину.

Приказывает. Следом разворачивается и уходит. Хочется крикнуть “Подожди”. Но я гордая. Лучше на ощупь пойду в темноту, чем позову его на помощь.

– Прости, – шепчу Артуру.

Мне и правда неловко перед ним. Он старался, придумывал это все. А потом возник Гаранин и все испортил.

Бисаров кивает устало и отворачивается. А я надеялась на какое-то объятие. Ну или банальное “как доберешься – позвони”.

Дмитрий идет по тропе и не оборачивается проверить, иду я следом или нет. Тоже обидно. Приехал, разогнал и в ус не дует.

– А Михаил скоро вернется с другого “объекта?” – спра-

шиваю громко.

– Вам моя компания не нравится, София Сергеевна?

– Ай!

Каблуком наступаю на камень, который был под листвой и чуть не падаю.

Пугаюсь. Не хватало еще растяжение получить или похуже чего. В этот момент немного прокляла обоих мужчин. Одного, что сюда все-таки притащил, другого, что не вовремя вытащил.

Гаранин останавливается и разворачивается в мою сторону. Доходит до меня мгновенно, как супер-герой. Воздух наполняется его запахом. Он перебивает свежесть осенней листвы, влажность земли и стойкий аромат хвои.

Хочется вытянуть руку, остановить его. Чтобы не приближался. Его близость опасна для меня.

– Нога? – спрашивает обеспокоенно.

Киваю. Его ладонь опускается на мой локоть. А потом он резко подхватывает меня на руки и продолжает свой путь.

Дыхание прерывается, но я все равно чувствую его запах. Слюна скапливается во рту. Проклинаю его туалетную воду, от которой в прямом смысле слова кружится голова.

Взгляд опускается на крепкую шею, которая видна из-под воротника пальто. Господи, смотрю на этот голый участок кожи, и дыхание само собой учащается. Немыслимо.

– Вы так меня до машины будете нести?

– Да.

– Я тяжелая.

– Не сказал бы.

– Привыкли к тяжести? – зачем-то спрашиваю.

Когда мы оба молчим, градус напряжения между нами несколько ниже. Стоит ему сказать хоть слово, от его голоса запускаются какие-то процессы в теле, что начинается неконтролируемая дрожь. Логика отключается, на сцену выходит несколько неадекватная часть меня.

– А зачем Вам эта информация? – спрашивает и взгляд с тропинки на меня переводит.

Солнечное сплетение сжимается. Все тело парализует, а сердце сиропом каким-то обливается. Горячим, вязким и сладким.

Наши взгляды переплетаются как нитки макраме. Глазами впивается в мое лицо, бродит по нему, исследует: реснички, кончик носа, контур губ. Последние загло, будто нежная кожа обгорела на солнце. Взгляд осязаемый, до каждой клеточки допытывается.

В какой-то момент понимаю, что мы летим вниз. Я больно ударяюсь бедром, но основной удар Гаранин взял на себя.

– Блядь! – ругается грубо и громко.

Оказываюсь сверху на нем. Снова глаза в глаза. Небо перевернулось, и сейчас смотрю прямо на него. Грудью упираюсь в твердые мышцы Димы. Даже чувствую, как бьется сердце Гаранина. Оно так близко и громко бахает в его теле, будто заменяет мне мое.

– София, – говорит мне в губы. Они ведь тоже близко. Ненормальным взглядом, должно быть, влипла в них, – встаньте, пожалуйста, с меня.

– Все-таки тяжелая? – очередную глупость говорю.

Дмитрий улыбается. Мне. А я ему. Неловкая ситуация. Но отмотай назад, упала бы на него снова.

Встаю первая, Дима следом. Мы все в прилипших листьях, сырой земле, которая испачкала всю одежду, еще в какой-то грязи.

На щеке и подбородке Гаранина грязный след. На себя боюсь смотреть в зеркало. Та еще красotka...

– Жива?

Киваю. Физически да, а вот внутри что-то такое странное происходит, чему не могу дать определение.

До машины доходим без происшествий. Дмитрий быстро снимает сигнализацию, снимает черное пальто, которое в прямом смысле слова стано черным. Повторяю за ним. Мое же тоже грязное. А салон чистый.

Несколько секунд маюсь над тем, на какое сиденье сесть. Всегда выбирала заднее, а сейчас... Мы были с ним так близко, он нес меня на руках, у нас общая грязь на одежде. Глупо так, но романтично.

И я занимаю переднее пассажирское сиденье. Гаранин смотрит и странно хмыкает.

Да что уж, я сама несколько в шоке. Может, головой ударились?

Мы медленно выезжаем на шоссе, оставляя машину Артура позади. Все, как и в прошлый раз. Черт возьми, традиция складывается!

– В бардачке салфетки. Подай.

Гаранин сама вежливость. Хочется снова сказать, что воспитанные люди говорят “пожалуйста”, но я усердно прикусываю язык, чтобы ничего не сказать. Алкоголя в крови нет. Значит, могу лучше себя контролировать.

– Это кофе? – бросаю взгляд на консоль. Там пластиковый стаканчик с белой крышкой.

– Угу, – с подозрением косится на меня.

Он ведь пил из него. Уверена. Но спросить об этом несколько странно, да и страшно. Будет звучать очень глупо, по-дурацки, как и вся наша ситуация в целом.

– Хочешь?

Резко переходит на “ты”. Без издевок. Только говорит это таким тоном, что хватаю воздух ртом и делаю большой вдох. От наглости его тона или двойного смысла... не знаю. Я уже ничего не понимаю.

Смотрю только на стаканчик с кофе и смертельно, просто до спазмов в желудке, хочу сделать хотя бы глоток.

Беру стакан и снимаю с него крышку.

– Я не пил из него.

– Почему?

Пахнет же вкусно. Мой любимый, капучино. Хоть спрашивай, сколько ложек сахара в нем.

– Горячим был. Не люблю горячий.

Смотрю на Дмитрия, снова на кофе. Желудок заурчал, и хорошо, что Гаранин не слышал моего позора.

И делаю глоток.

Вкусный.

– Он уже остыл, – зачем-то решаю сказать и протягиваю ему открытый стакан.

Брови Гаранина ползут вверх, уголок губ присоединяется. Чувствую, хочет улыбнуться, но что-то мешает. Тактичность?

Но он берет в руки стаканчик и, не надевая крышки, отпивает ровно с того места, где касались мои губы.

Уф, меня будто на сковородке поджаривать начали. Тело покалывает от раскаленного масла, а мышцы от напряжения шипеть начали. Жарко безумно.

Резкий поворот вправо, влево. То ли кочка, то ли ямка или вообще зверек какой-то. Но кофе пролился на его белую рубашку.

Я виновата. Сначала за мной мчался в лес, чтобы отец не беспокоился, потом на руках нес, когда ногу чуть не подвернула, сейчас вот... из-за непредусмотрительности облился.

– Прости... те, – пишу.

Глаза ладонями закрываю и плакать хочется. Все как-то навалилось. Чувства эти варятся внутри, непонятные мне. Путаюсь, словно под ногами сотни веревок и цепляюсь постоянно, выбраться не могу.

И, кажется, наступает стадия мямли. Говорила же, среднего нет. Вчера была сука, сейчас что-то бормочу невнятное.

Господи, что он обо мне думает?!

– У меня дома стиральная машина и сушилка. В течение часа все отстирается и высохнет.

– Это такое приглашение на чай? Соня?

Глава 11.

Соня.

Дмитрий открывает передо мной дверь и пропускает меня вперед. В лифте стоим друг напротив друга, но я стесняюсь его разглядывать. Свет яркий, видно каждую грязную песчинку.

Гаранин держится уверенно, немного завидую даже.

Я же до сих пор не знаю, зачем позвала его постирать вещи? Можно подумать, он живет в другом городе, и у него нет стиральной машинки.

– Что? – спрашивает, когда понимает, что я уже три этажа как смотрю на его губы.

– Ничего, – быстро отвечаю и... улыбаюсь.

Господи, я улыбнулась Диме. А он, кажется, улыбнулся мне.

По всему телу растекается тепло. Жар какой-то прокатывается по спине вдоль позвоночника. Ладони покалывает, ноги каким-то образом становятся ватными. Трясущимися пальцами расстегиваю пальто, снимаю берет и взлохмачиваю волосы.

Все это под его пристальным взглядом. Резко подскакиваю, когда лифт с противной трелью останавливается на моем этаже, а двери медленно открываются.

Дергаюсь я, дергается Гаранин. Вроде как должны выйти,

но при любом раскладе мы так или иначе коснемся плечами, а может, и другими частями тела.

Все-таки зря его позвала. Не могу понять, как мне себя с ним вести и что, черт возьми, со мной происходит, когда он в критической близости. Будто мозг ватой обкладывают.

Дмитрий пропускает меня первую, почти голову передо мной склонил. Джентльмен, блин.

– Сама выбрала высокий этаж? – спрашивает, пока я вожусь с ключами и пытаюсь открыть дверь.

Моя квартира на предпоследнем этаже высокой многоэтажки. Район не очень новый, зато хороший. Папа советовал обратить внимание на другой ЖК, а мне здесь понравилось.

– Не совсем, папа порекомендовал, – открываю, наконец, и вхожу первой. Сразу включаю свет. Находиться с Гараниным в темном помещении, одной... от этой мысли желудок сводит каким-то долбаным предвкушением.

– Папа, значит... Его слово веское, да, София Сергеевна?

Наши постоянные переходы с “ты” на “вы” и обратно порядком утомили. Да, я виновата в тот вечер, что указала на эту деталь. Но мне кажется, что после того, как полежала на его стальной груди, выпила кофе из его стакана и привела домой, чтобы, на секундочку, постирать ему рубашку и, возможно, брюки, можно смело отметить все формальности.

– Может, хватит? – психую и резко разворачиваюсь к нему лицом.

Дмитрий рядом, непозволительно рядом. В нос сразу втягивается со вздохом его туалетная вода и запах холодного осеннего леса.

– Что именно?

Гаранин далеко не дурак. Он понял мой вопрос. Взгляд хитрый. Голубые глаза все-таки кажутся синими, глубокими.

– Можно просто Соня, – сдаюсь.

Говорю тихо и глазами брожу по его шее. Только сейчас замечаю золотую цепочку, которая поблескивает.

– Ну, или София, – чуть наглею и снова взглядом встречаюсь с его, – прости меня за то поведение. Я повела себя ужасно. Как...сука. Прости.

Отхожу от него на безопасное расстояние. Близость и правда удушающая. Будто горло сдавливают тугими веревками, а ты смотришь на него, слова произнести не можешь и по-тихому варишься в этом наслаждении. Уму непостижимо, как противоречиво и запрещено.

Быстро смываюсь от Димы из коридора в ванную. Мою руки, перевожу дыхание.

Смотрю на свое отражение и не узнаю себя. Немного шальная, словно та крошечная доза алкоголя все еще бродит в моем кровотоке.

– Ты тоже меня извини, – слышу его слова.

Дверь не заперта, осталась тоненькая щель. Гаранин стоит за стенкой, прислонился, смотрит в потолок. И проверять не надо, это так.

Сердце чувствует его близость и работает с утроенной силой. Хочется успокоить обезумевшую мышцу, снизить скорость.

– А тебя за что?

– Что тоже некрасиво себя повел, что не сдержался, что увез тебя сейчас от Бисарова... – замолкает.

Мы замолкаем.

Удары сердца эхом разносятся по ванной комнате. Я не выхожу, не получается. Ступни к плитке приклеились клеем.

– Ты выполнял свою работу, – безэмоционально отвечаю.

И почему-то от этих слов обидно стало. Сама сказала, самой и паршиво.

Резко открываю дверь, цепляю маску радушия и гостеприимства.

– Чай? Кофе? – спрашиваю, шумно сглатываю слюну, но широко улыбаюсь.

– Чай. Крепкий. И три ложки сахара. Но сначала рубашка.

Дмитрий пальцами цепляет мелкие пуговицы у воротника и медленно начинает их расстегивать. Как замороженная наблюдаю за простыми действиями. Господи, да что в этом такого? Рубашка как рубашка, пуговицы как пуговицы. Мужские руки как руки.

На тыльной стороне кожа смуглая, вены выделяются и хочется провести пальцами по всем изгибам.

Я словно переместилась под кондиционер, который работает на огненный плюс. Кожа обваривается и покрывается

ощутимыми ожогами. Щеки вспыхивают. То ли от стыда, то ли от возбуждения.

Что вообще может быть прекрасней шикарного мужского тела и белой рубашки, которую он, сняв, передает мне?

А тело у Гаранина и вправду шикарное.

– Соня? – окликает. Вцепляюсь в ни в чем не повинную ткань. В глаза смотреть ему боюсь. Он все поймет, все-все. Что представляла, что чувствовала.

– Да. Сейчас запущу. Сорок градусов нормально? – зачем-то спрашиваю.

Мозги в кашу. Разве о таком спрашивают мужчину?

– Не знаю. Я отдаю в химчистку.

Очевидно, отец ему платит хорошо, раз рубашки не в стиральной машине стирает, а в специализированных местах.

– Брюки? Снимать?

Взгляд ощущаю между лопаток, когда погружаю его рубашку в барабан машинки. Именно такой, какой был в вечер знакомства с Бисаровыми, потом у подъезда. Он оставляет след, словно пытается пробраться к сердцу.

– Тоже испачканы? – тихо и сдавленно спрашиваю. Голос низкий, будто заболела ангиной. Даже говорить трудно.

– Немного.

– Х-хорошо.

Слышу лязг ремня, “вжик” молнии. Поверх всех вен проходит ток, а где-то внизу живота происходит короткое замыкание. Рефлекторно сжимаю ноги. Пульсация дикая.

Господи, это всего лишь звуки. Обычная одежда, просто мужчина... Но запахи эти, близость, жар по телу – все это вместе, и я в какой-то водоворот попадаю. Хватаю жадно воздух и стараюсь выбраться. А меня топит.

– Возьми. Пожалуйста.

Взгляды встречаются. Пальцы соприкасаются, когда забираю черные брюки. Понимаю, что звать его к себе было ошибкой. Большой, неисправимой ошибкой.

Его глаза вновь как черное ночное небо, нет и тоненькой голубой полосочки. Смотрит так, что плавит.

Мне сейчас все равно, что белое с черным лучше не стирать. Запускаю на сорок градусов.

Гаранин остается в одних боксерах. Ну, и в носках... Выглядит странно, улыбка его еще эта дикая немного.

– Чай? – возвращает меня своим вопросом на землю.

Киваю. Но чтобы мне пройти на кухню, нужно, чтобы Дима чуть отошел в сторону, иначе наши тела... в общем, столкнуться. Будут находиться так близко друг к другу, что лучше содрать с себя кожу, но не ощущать его рядом с собой.

– Ты не подвинешься? – осторожно спрашиваю.

Гаранин медлит, но все же отходит в сторону.

Пробегаю мимо него, стараюсь не смотреть на кубики пресса, мощную грудную клетку, узкие бедра и сексуально свисающий крестик на цепочке.

Господи, прости меня, грешную, но этот православный крестик и правда придает такую сексуальность его шее.

Быстро ставлю чайник, ждем сигнала в полной тишине. Только переглядываемся часто. Никто вопросов больше не задает. Какое-то напряженное молчание выходит.

– Как давно ты работаешь на папу? – решаю с чего-то начать разговор.

Я смутно помню первые дни работы Гаранина у нас. А сейчас желаю знать больше конкретики.

Дмитрий устало хмыкает, взглядом обводит мое лицо. Грустным вдруг стал.

– Четыре года, София. Тебе исполнилось девятнадцать лет, когда твой отец принял меня на работу.

Сощуриваюсь и всматриваюсь в Диму.

Дима... я стала называть его Димой. Только заметила.

– А до этого где работал?

– В органах.

– А кем?

Короткий хмык. Тихий глоток и сведенные брови. Я подмечаю каждую деталь.

– Оперативником в следственном управлении.

А я балерина.

Теперь мне хочется грустно хмыкнуть. Мы такие разные...

– И много преступников поймал, товарищ майор?

Откуда-то взялись легкие нотки флирта, хочется треснуть себе по губам.

– Подполковник.

И снова улыбаемся друг другу. Сердце щемит, а внутри словно вентилятор разгоняет теплый воздух по всем уголкам моего тела.

Машинка начинает пищать на всю квартиру, что вещи выстираны и высушены. Наши разговоры подошли к концу.

Поднимаемся оба одновременно. Он в одних трусах, я полностью одета. Какой-то дисбаланс, который хочется нарушить.

Ткань моей одежды начинает карябать и жечь, хочется поскорее от нее избавиться. А еще в ней тесно, душно и неудобно.

– Сейчас все принесу, – говорю и смотрю на шею, где отчетливо бьется толстая венка.

Возвращаюсь спустя пять минут. Мне нужно было время. Чтобы Гаранин не маячил где-то рядом, глазами своими не смущал и в душу ими не лез.

– Вот, – передаю и сразу отхожу, – должно было все отстираться. Порошок хороший, японский, – зачем-то добавляю.

Зачем ему знать, каким порошком я стираю?

– Ну, раз японский... – усмехается и надевает сначала брюки, затем рубашку. Медленно застегивает пуговицы и убирает руки в карманы.

Я стою, потупив взгляд. Изучаю плинтусы, замечаю пыль на них, делаю заметку, что я ужасная хозяйка.

Только слышу его шаги в мою сторону. Он близко. Очень. Хочется плакать, чтобы не делал так. Ну, не получается у

меня. Внутри все сдавливается от него такого. Кровь останавливает свой путь, замирает. Кислород не поступает к органам. Все тело заморожено.

– Соня, – пальцем цепляет подбородок, заставляя посмотреть на него.

Конечно, он не мог не видеть, что со мной происходит. Он, черт возьми, фсбшник, подполковник. Такой раскалывал на раз-два. А я что? Достаточно было взгляда, чтобы понять мое состояние, когда он рядом.

Облизываю губы, закусываю нижнюю, стараясь унять покалывание. Гаранин обводит их взглядом. Но ни один мускул не шевелится на его лице. Дима не дергается, дыхание ровное.

Наученный...

А я поцеловать его хочу. До разрыва сердца хочу.

Но потом резко отворачиваюсь.

Пару часов назад я целовалась на берегу озера с Бисаровым. И мне понравилось. Чувствую себя какой-то шлюшкоподобной, что ль. От одного к другому.

– Тебе пора.

Он кивает. Молча обувается и выходит. Ни слов прощания, ничего. Только тихий хлопок двери.

Устало иду в свою спальню и опускаюсь на кровать. День был долгим, нудным. И я ни разу за последние пару часов не вспоминала об Артуре. Его образ только всплыл в памяти, когда мы с Гараниным чуть не поцеловались.

Зато Дима... он...

Телефон пиликает на тумбочке в коридоре. Бросила его там по привычке.

Хочется, чтобы это был Гаранин. Написал сухое сообщение, даже банальное “забыл сказать “пока”.

А там поклонник.

“Давай встретимся?”

Глава 12.

Соня.

Наверное, я никогда так тщательно не собиралась на свидание, как делаю это сейчас. А главное, для кого я так наряжаюсь? Для неизвестного мне человека, который покорила цветами. И все.

Но не пойти не могу. Я ждала этого сообщения с тех пор, как мне вручили первый букет.

До ресторана вызываю такси, хотя рассчитывала, что заказ сделает поклонник. В идеале думала, что он сам за мной заедет. Но, списав с карточки несколько сотен, иду в сторону яркой вывески.

Место он выбрал пафосное. У входа припаркованы дорожные авто, а у двери стоят и курят двое мужчин, внешний вид которых равняется сумме моей зарплаты за полгода, не меньше.

Невольно вглядываюсь в них. А вдруг один из них мой поклонник? Прохожу медленно, обвожу их с ног до головы. Темненький с идеальной бородкой подмигивает, но отворачивается, чтобы принять звонок.

Мимо.

– У вас заказано? – спрашивает хостес на пороге заведения.

Теряюсь, потому что даже не спросила у поклонника, на

чье имя столик. Как вообще ответить на ее вопрос верно?

– Честно сказать, не знаю. У меня встреча, свидание, – слегка волнуюсь. Не каждый день встречаешься лицом с тем, с кем уже мечтала познакомиться.

– Имя Вашего спутника? – девушка открывает толстую тетрадь и устремляет свой взгляд туда. Талмуд огромный, а заведение новое. Несостыковка.

Почему-то захотелось рассказать об этом Гаранину. Оценит ли мою внимательность?

– Это свидание вслепую, – мямлю я.

Хостес мило улыбается. Мне кажется, или она собирается меня отшить? Думает, я решила без брони пробраться в ресторан?

– Может, есть столик на фамилию Мещерская? София Мещерская?

Блондинка стреляет в меня недовольным взглядом и утыкается в свой талмуд. Листает что-то, долго. Ну точно, очередная паказуха, что у них нескончаемый поток клиентов, а запись на несколько недель вперед. Врут, уверена.

– Пройдемте, – вдруг говорит и, взяв папку с меню, направляется в зал.

Меня окатили ледяной водой после разгоряченного душа. Сначала до жути неприятно и мерзко, а потом тепло разливается по телу, и так хорошо становится.

Поклонник даже в этом вопросе решил не рассекречивать себя и свое имя.

Под ложечкой только засосало. Какое-то предвкушение, смешанное с обидной. Я бы хотела, чтобы первым на встречу пришел он. Это было бы правильно, красиво. А выходит, девушка будет ждать своего мужчину на первом свидании. Дикость какая.

– Вы готовы сразу озвучить заказ? – не отстает хостес.

– Воду, пожалуйста, без газа, – сухо отвечаю.

Я не планирую что-либо пить алкогольное или делать заказ до того, как придет мой поклонник. А то подумает еще что не надо.

Блондинка уходит, оставив меня наедине со своими мыслями.

С первой секунды меня не покидает ощущение, что не хватает какого-то пазла. Либо понапридумывала в своей голове такого, что ни один нормальный человек не сможет воплотить все это в жизнь. Получается, в душе я еще тот романтик.

Замечаю, как в зал возвращаются те двое мужчин, что курили у входа. Темненький пристально всматривается в меня и обводит все тело по контуру будто черным жирным маркером.

Так ощутимо и неприятно.

Улыбается мне широко своей улыбкой за несколько миллионов и снова подмигивает.

А вдруг...

Оборачиваюсь, чтобы проследить, куда он направляется.

Чувствую, как к щекам прилил жар, нервы натянулись словно мне предстоит экзамен, к которому я готовилась очень долго.

Все мысли, все идеи, все-все в моем теле направлены на решение только одной единственной задачки.

Темненький садится за барную стойку, просит бармена повторить какой-то напиток и открывает свой телефон.

Я слышу характерный звук разблокировки, стук льда о стекло в бокале, даже его голос: мужской баритон с легкими хрипылыми нотками.

– Ваш заказ, пожалуйста, – прерывает официант, тихо поставив воду на стол, – что-нибудь еще желаете?

Господи, я даже не сразу поняла, что спрашивает и хочет от меня этот парень в форме.

– Здесь очень вкусный салат с грейпфрутом, рукколой и кедровыми орехами, – раздается приятный голос надо мной.

Он вызывает ворох мурашек. Но повернуться я боюсь. Все рецепторы приведены в боевую готовность. Вдыхаю и чувствую приятную туалетную воду, на языке слегка горчит какой-то вкус похожий на никотин, а до слуха доносится легкое шуршание пиджака и брюк при несложных движениях.

Оборачиваюсь резко и глазами упираюсь в того темненького, кто курил у входа и улыбался мне.

Получается, что это... мой поклонник?

Пока не могу понять, что внутри меня происходит. Разочарование? Ликование? Облегчение? Неверие?

– Присяду, не возражаете? – не дожидаясь ответа, садится напротив, давая отмашку официанту, чтобы принесли озвученный заказ.

– У меня встреча, – тихо отвечаю.

Темненький улыбается левым уголком губ снисходительно, будто сделал мне одолжение. Это... странно. Поклонника я представляла несколько иным. Более простым, что ль.

– Ильдар, – знакомится, и его брови взлетают вверх. Что-то типа, а как зовут Вас? Очевидно, спросить прямо он не может. Это мешает.

Артур, Гордей, Ильдар... Обычные имена у нас закончились. То ли дело Дима...

– София.

Беру бокал воды и выпиваю. Здесь и вправду жарко. Оглядываюсь по сторонам. Если этот темненький не мой поклонник, то мой мужчина должен подойти уже с минуты на минуту. Я опоздала на целых полчаса, была уверена, что поклонник меня ждет.

– Значит, Сонечка, – мягко говорит. Но вызывает приступ тошноты. Либо это от волнения.

Что, если поклонник подойдет и увидит за моим, за нашим, столиком совсем постороннего мужчину.

Господи, сгорю со стыда.

– Значит, София, – упрямо гну линию.

Ильдар симпатичный, ничего не хочу сказать. Только борода его эта слишком уж идеальная. Мне даже кажется, она

мягкая на ощупь. А это... не по-мужски как-то.

У папы моего такая жесткая щетина, что при коротком поцелуе в щеку у меня раздражение на пару дней высыпает.

– Что ж Ваш кавалер опаздывает? Оставляет такую красивую девушку одну. Заскучаете же?

Взгляд темных глаз неприятно касается моих губ, шеи, ведет по груди и оценивает мое платье.

На мне кремового цвета платье прямого кроя с открытыми плечами и неглубоким вырезом. Не знаю, зачем надела именно его. В какой-то момент показалось, что оно достаточно скромное для первого свидания, но до образа богопослушной монашки еще далеко.

– Мне комфортно находиться одной, даже если мой мужчина задерживается, – говорю уверенно.

Его общество лишнее.

И я постоянно оглядываюсь по сторонам. Постоянно кажется, что сейчас из-за соседнего стола встанет тот, кого я жду. Он просто наблюдал. Или вдруг в зал войдет. Я тут же пойму, что это он, и улыбнусь.

Но на входе никого нет и ко мне никто не подходит.

– А я бы с удовольствием составил вам компанию, София. Вы очень красивая девушка.

Мы сидим напротив друг друга и, возможно, со стороны кажется, что у нас и впрямь свидание. В каком-то смысле даже жаль...

– София Мещерская, – перебивает официант.

В его руках скромный букет из пяти пионов. Нежно-розовые бутоны еще не раскрылись. Они завернуты в обычную крафтовую бумагу. Никакой вычурности, лишнего декора. Даже зелени нет. Таким букетом говорят “прости”.

За ребрами сердцу стало очень тесно. Либо в груди все сдавлено и сжато, либо мышца моя настолько увеличилась, что мне больно вздохнуть.

В горле образуется ком, а глаза предательски увлажнились.

Он не может так со мной поступить...

– Это мне? – решаю уточнить.

Официант протягивает скромный букет и уходит.

В цветах замечаю небольшую бумажку. Хоть сейчас догадался положить записку. Там короткое “извини”, напечатанное на принтере. Не написанное от руки добродушной флористкой, а глупая, маленькая бумажка, которую выплюнула машинка.

Смахиваю быстро слезу, которая посмела скатиться по щеке. Потом еще одну. Мне не стыдно за свои слезы, мне до крика обидно.

– Упс, кажется, кавалер твой оставил тебя здесь одну, – слышу голос Ильдара.

Зря он это сказал, потому что весь свой гнев готова выместить на него.

Нельзя так поступать с женщинами. Никогда. Из милой балерины я готова превратиться в самую настоящую ведьму.

– Свалил от меня! – цежу сквозь зубы.

Встаю со своего места, прихватив сумочку, и бегу к гардеробу. Цветы оставляю лежать на столике. Больше ничего и никогда не приму от поклонника.

По пути вызываю такси. Капец. Сюда на такси за свои деньги, обратно. Что уж, хорошо прокатилась. На свидание.

“Что это значит?” – пишу гневное сообщение. Не с первого раза правильно печатаю слова.

Руки трясутся. Меня парализует гнев, а потом по плечам гладит обида. И то и другое душит.

Ответа нет. Следом пишу еще сообщение.

“Скажи, как тебя зовут? Чтобы я знала, какое имя теперь ненавижу больше всего”

“Просто поклонник. Прости, Соня.”

Глава 13.

Соня.

Мы с Артуром поднимаемся на второй этаж какого-то элитного ночного клуба. Голубые неоновые вывески, какие-то пафосные названия, официанты в своей униформе, что не понимаешь, куда ты попал – в клуб или в бордель.

Это несколько смущает, хотя нельзя меня назвать такой уж и ханжой.

На мне кожаная юбка и простая белая блузка. Губы накрашены красной помадой и глаза подведены черной подводкой.

– Я говорил тебе, что ты очень красивая сегодня? – Артур резко разворачивается на лестнице. Его дыхание касается моей щеки, и я вспыхиваю. Это было неожиданно, вышло очень интимно.

– Не говорил. И... спасибо, – отчего-то улыбаюсь.

Его взгляд бродит по моему лицу и часто опускается на губы. Указательным пальцем проводит по линии скулы вниз к подбородку. Замерла и чего-то жду.

Господи, неужели я жду его поцелуя?

– Пожалуй, уже начинаю тебя ревновать к этим огрызкам.

– К кому? – усмехаюсь.

– К друзьям своим. Они меня постоянно спрашивают о тебе. Из-за тебя пропускал все тусовки с ними.

– Это ты так намекаешь на то, что свободное время предпочитаешь проводить со мной?

– Соня, – чуть серьезнее говорит, – по ходу я влюбился в тебя. Втрескался.

Последнее немного чудно слышать. Оно не вяжется с его образом, манерой общаться и вообще с Артуром Бисаровым.

Если, конечно, то, каким я его видела, соответствует настоящему Артуру.

– Пойдем, твои огрызки заждались, – перевожу тему.

Есть ли у меня ответные чувства? Не знаю, не уверена. Но что-то такое шевелит внутри.

Бисаров открывает передо мной дверь в вип-комнату и пропускает внутрь первой.

Мгновенно воцаряется молчание. Чувствую на себе десятки пар глаз: любопытные, завистливые, изучающие. Сейчас поняла, что ощущают те, кого облапали.

На сцене не было ничего похожего, когда из одежды на мне только пачка, а руки партнера делают поддержку в таких местах, что можно сгореть со стыда в обычной жизни.

– Знакомьтесь, моя София, – громко говорит, обхватывая меня одной рукой за талию и тесно прижимая к себе.

– Привет, – скромно здороваюсь и машу руку.

Машу рукой? Seriously?

– Так вот ты какая, Сонька, – слышу шутливый голос парня. Симпатичный блондин со светло-голубыми глазами. Спорю, мечта многих.

– София, – перебивает его Артур.

– Прошу, София, – блондинчик уступает мне место и жестом просит садиться.

Артур чуть подталкивает меня к освободившемуся месту, сам расталкивает сидящих рядом парней и садится слева от меня.

Напротив оказываются три девушки. Все на одно лицо, что, если их поменять местами, и не замечу изменений.

Только крайняя справа рассматривает меня так, будто готовится препарировать. Неприятные, но стойкие ощущения, которые облепляют тебя как свежая, янтарная смола.

– Алискин, ты так на Соньку смотришь, что готова ее уже на костре сжечь!

Гордей.

Почему-то рада его слышать и видеть.

Он встает с кресла, который в самом темном углу, не сразу разглядишь. Гордей немного пьян, в руке порция чего-то алкогольного.

Но улыбается так по-дружески, хоть вставая и обнимай.

– Ну-ка вообще брысь отсюда. Ты же хотела танцевать идти? – подходит к девушке и тормозит ее за плечо.

Ни манер, ни воспитания. Но это не режет глаз или слух. Просто Гордей такой вот.

– Артурчик твой занят. Или ты не знала? – скалится хищно. Он доволен сказанным, потому что запланировал это сказать.

Если взглядом можно было четвертовать, то Бисаров старший непременно бы сделал это со своим младшим братом.

В комнате в момент стало душно от частого дыхания этих двоих. Мне неуютно находиться между ними, а еще постоянно ощущаю на себе взгляд этой... Алискин.

– Соня, ты же знала, что у них такая любовь была!? До тебя, конечно же.

Артур резко поднимается со своего места и мгновенно достигает своего брата. Берет его за грудки и глазами проедает его лицо.

– Упс, проговорился, – Гордей скалится. Глаза захмелевшие, но довольные.

Они оба сейчас походят на двух упертых быков. И смешно, и страшно. Не поубивают же они сейчас друг друга?

– Мне кажется, мы обо всем с тобой договорились, братишка, – цедит он сквозь зубы, старается прошептать это четко, зловеще, но окружающие слышат каждое сказанное слово.

– А я передумал, – уверенно отвечает и толкает Артура в грудь. Тот отскакивает, но кидаться обратно не спешит.

В воздухе заискрило как перед настоящим боем, запахло чем-то противным и мерзким. Правда ощущение, что только я это и чувствую. У остальных аж глаза не горят от развернувшейся перед ними картины.

Не понимаю... Что им делить? Они же братья. У меня вот нет ни сестры, ни брата, к сожалению. Но всегда хотела.

– Так, делаем ставки, дамы и господа, кто будет победителем в этом бою, – в центр комнаты встает тот блондинчик.

У него явно ораторские способности. Только на сцене и выступать.

– Все как обычно.

Блондинчик, зовут его кстати просто – Николай, берет со стола пустую бутылку из-под виски, или что это, и вытягивает над головой.

– Минимальная ставка пятьсот баксов.

Очерчиваю всех сидящих и понимаю, что... это такие игры у них. Все присутствующие из достаточно богатых семей. Таких, как моя. Только я понимаю, что пятьсот баксов это зарплата балерины в кардебалете. Она тратит свое здоровье, время, жертвует личной жизнью, чтобы выступать на сцене Большого. А для кого-то это бумажка, которую можно засунуть в банку ради ставки.

Все ведутся. Достают холдеры, кошельки и кидают бумажки в бутылку.

Цепенею.

Я думала только в фильмах бывают игры мажоров, а сейчас вот они, передо мной.

– Успокоились, – слышу грозный рык Артура, – забрали все свои деньги и сели на свои места, – а с тобой мы еще вернемся к этому разговору, – припечатывает он Гордея взглядом.

Бисаров здесь главный. Вижу, как все пытаются достать

свои деньги из бутылки. Дураки.

– Эх, Сонька, зря ты с Артурчик все-таки связалась, – не понимает Гордей. Как иголки под ногти загоняет.

Хочется попросить его, чтобы прекратил, не раздувал конфликт. Не знаю, что между ними произошло, в порядке ли это вещей, но странное чувство корябает изнутри.

– Это он еще не знает, что я тебе букет дарил. Полезный, между прочим, а не его эти белые розы. Ты кстати в курсе, братишка, что белый цвет – к разлуке?

Значит те сухофрукты с орехами от Горедя? Ну да, его стиль. Качаю головой и улыбаюсь. Потому что правда приятно было получить такой вот странный, но приятный букет.

– И... тут подумал, Артурчик... я в игре, – говорит он непонятную для меня фразу.

Их взгляды как настоящие мечи джедаев, или как их называют. При столкновении сверкают яркие вспышки, невольно жмуришься.

На моих глазах происходит еще более странное. Алиса встает со своего места, огибает диванчик и встает рядом с Бисаров старшим. Она гладит его за плечо и что-то успокаивающее шепчет.

Картинка неприятная, ведь вроде как у нас с Артуром отношения, а тут какая-то девушка касается моего парня?

Бисаров, как замороженный, стоит так несколько секунд и резко скидывает ее руку.

– Алиса, мать твою! – ругается грозно.

Пожалуй, такого Артура я еще не видела.

– Ты когда на взводе, можешь такие дела наворотить, – лепечет девушка.

Вдруг ясно вижу, что у нее чувства к Бисарову не угасли. Не знаю, как долго они были вместе и насколько серьезно у них все было, но по-человечески становится ее жаль.

Бисаров смиряет ее уничтожающим взглядом. И миг меняется. Как по мановению волшебной палочки.

– Извини, – подмигивает ей.

Его руки трясутся, взгляд еще бежит, губы сжаты в тонкую ниточку.

– София, давай уедем? Думаю, на сегодня веселья достаточно, – спрашивает и смотрит в глаза Гордею.

Встаю, забираю сумку. Мне и правда некомфортно сейчас здесь находиться.

Бисаров старший подает мне руку, помогает пробраться к двери. Вслед нам летят слова Гордея:

– Сонька, не делай глупостей!

Артур заводит свою машину и помогает мне усесться. Я пока не могу понять, что ощущаю внутри. Какие-то отголоски разочарования от вечера. Почему-то хочется банально взять и вычеркнуть все, что сейчас видела и слышала. Это все не вписывается в представление о том, кто такие Артур и Гордей Бисаровы.

– София, – обращается Артур. На лице ни следа переживаний или раздумий, – поехали ко мне? Вечер еще не закон-

чен, а я так хочу его провести с тобой.

Улыбка красивая, завораживающая. Понимаю ту девушку, Алису, которая все еще его любит. Бисаров может быть обаятельным и правильным. Когда хочет.

– Х-хорошо.

Соглашаюсь. По телу проходит волна озноба, ноги само собой отбивают ритм. Всю дорогу то и дело покусываю губы. Желудок сводит, к горлу подкатывает легкая тошнота. Волнуюсь ведь.

Глава 14.

Соня.

– Вот здесь я и живу, – Артур раскрывает передо мной входную дверь своей квартиры.

Там темно. И он предлагает мне первой сделать шаг в эту темноту. Мне не страшно, но дискомфорт какой-то стягивает руки и ноги, и я двигаюсь коряво.

У меня в голове до сих пор нет четкого ответа, почему согласилась поехать к Бисарову поздно вечером. Как зомбированная смотрела на его милое лицо, улыбку и... теперь стою в пороге и думаю о том, что ты, Соня Мещерская, беспросветная дура, раз думаешь, что вы будете смотреть последний выпуск Камеди по спутниковому каналу.

– Ты проходи, проходи, – бодро подгоняет, – выключатель справа.

Щелкаю, и коридор озаряет свет.

– Уау, – первое, что говорю.

Высокие потолки, светлое помещение. Ни тебе куртки на крючке, которую еще с лета не убрал, как я, например. На придверном коврике нет и песчинки. Все убрано, даже вылизано.

Снимаю обувь, верхнюю одежду и мелкими шагами двигаюсь вперед.

– Это твоя квартира?

Осматриваюсь. Для молодого парня здесь слишком все аккуратно как-то. И дизайн такой... женский. Ну, будто здесь все заказывала и расставляла женщина.

– Отец с матерью подарили на окончание универа. Пойдем, кухню покажу.

Артур берет меня за руку и ведет через огромный зал, который может вместить в себя человек сорок. Кухня выполнена по последнему слову техники. Не понимаю, конечно, зачем ему столько всего.

Бисаров облакачивается о столешницу, пока я разглядываю детали.

– Нравится?

Улыбается он вновь очаровательно.

Киваю.

– Будешь что пить?

Вопрос заставляет резко повернуться к нему лицом. Вены натягиваются, легкие сужаются, доступ кислорода в легкие затруднен.

– Чай. Крепкий. С тремя ложками сахара.

– Может, вино?

Бисаров медленно подходит ко мне. Ладонями упирается в край столешницы позади меня.

Рефлекторно сжимаюсь и ищу пути отступления.

– Ты меня боишься, София? – хмурится, – не надо.

Мне кажется, или такую фразу обычно говорит сумасшедший, который сначала издевается над жертвой, а потом ли-

шает ее жизни? Морщусь от этой мысли, потому что она бредовая.

Но что точно не чувствую – так это безопасности.

В очередной раз ругаю себя, что повелась на милое личико Бисарова.

– Я знаю, что у тебя были отношения. До меня, – говорит тихо, поправляя прядь моих волос. Пальцами касается ушной раковины и ведет вдоль шеи к плечам. Слегка сжимает и наклоняется вперед.

Носом чертит знак бесконечности у моей ключицы.

– Он тебе нравился?

Странно слышать подобный вопрос. Никто и никогда прежде не интересовался. Для родителей это были отношения, которые в любом случае закончатся, да и не жаловали они Толю.

И оказались правы. Мы с Толей повстречались недолго, хотя казалось, я так сильно его любила, что не проживу и дня без него, задыхалась, будто вожусь на дне самого глубокого озера.

Вышло, что любовь тоже может быть конечна.

– А ты как думаешь, Артур?

– Думаю, что ты не подпустила бы к себе того, к кому у тебя нет никаких чувств.

– Ты прав.

– И что ты чувствуешь ко мне, София?

“Что я чувствую?” – хочу повторить его вопрос. А потом

еще и еще. Говорят, что в вопросе уже заложен ответ, но не в этом случае.

Мне приятно находиться с ним рядом, общаться, ходить на свидания. От его поцелуев тепло струится по венам, его вкус мне знаком и даже нравится, что ль.

Медлю с ответом. Волнует, как бы не обидеть, но и не соврать.

Бисарову надоело ждать. Он притягивает меня к себе, правую руку кладет на затылок и притягивает к себе так тесно, что просто сплющивает. Выбивает весь воздух, из легких с резким выдохом и впивается в мои губы. Язык шустро пробирается через преграду и уже во всю ласкает рот.

Свободной рукой выправляет блузку из-под юбки и движется вверх. Пальцами едва касается горячей кожи, она непроизвольно покрывается мурашками. Втягиваю в себя живот, стараясь чуть отстраниться от его настойчивых движений.

– Артур, – зову его, ему стоит дать нам время на короткий вдох.

– София, я мечтал о тебе, как только увидел. Ты необыкновенная, красивая, сексуальная. М-м-м...

Правой рукой добирается до груди, ныряет под косточку лифчика и слегка сжимает грудь.

Соски заострились, их неприятно карябает его ладонь.

Мне хочется оттолкнуть Артура, остановить, но ничего не делаю. Просто продолжаю позволять ему трогать себя и це-

ловать.

В живот упирается его эрекция. Он делает пару поступательных движений и сажает меня на кухонную столешницу, силой раздвинув ноги.

Теряюсь, потому что мне кажется, Бисаров еще сдерживает себя. Да и не могу никак полностью прочувствовать то, что творится у меня внутри. Какой-то огонек теплится внутри, иногда разгорается, но потом резко тухнет.

Не получается...

Даже с Толей все было по-другому.

Артур разрывает блузку, пуговицы синхронно падают на пол и отскакивают. Грудь высоко поднимается. Это от волнения и нехватки воздуха, который Бисаров постоянно вытягивает у меня через рот.

– Сколько же я этого ждал, – говорит в губы.

Рукой накрывает другую грудь, перекатывая соски между пальцами и оттягивая их.

– Хочу тебя. Сильно, – Артур отрывает мою руку от поверхности и кладет на свой твердый пах.

А я... пугаюсь. Понимаю, куда наши поцелуи и откровенные ласки ведут.

– Не надо, – жалобно пишу. Бисаров не слышит, не хочет слышать. В его глазах жидкая похоть, которая переливается из клетки в клетку. Взгляд темный, но не заряжает меня той же темнотой.

Не как звездное небо, на которое смотришь и хочешь, что-

бы оно обрушилось на тебя.

– София, я ведь не обижу. Будет хорошо. Ды и ты уже... знаешь, что такое секс. Нам понравится, обещаю.

Если бы я не видела, что Артур не брал и капли алкоголя в рот, то подумала, что он пьян. Его ведет, он постоянно что-то шепчет, руки хаотично меня... лапают.

К горлу подкатывает тошнота, когда Бисаров еще выше задирает юбку, рвет колготки и добирается до кромки трусов.

Осознаю, что не просто не хочу сейчас секса, я не хочу его – Артура.

– Прекрати, не надо, – стараюсь оттолкнуть, выходит скверно.

При следующем поцелуе сильно прикусываю его губу. Отрезвляюще сильно, потому что в рту отчетливо чувствую вкус крови. И хочется ее сплюнуть.

– Ты охуела? – вырывается из его груди.

– Не трогай меня. Понял?

Артур отворачивается от меня, дышит часто. Кажется, его легкие надуваются насосом.

Остаюсь сидеть на этой проклятой столешнице с разведенными ногами, разорванными колготками и блузкой. Грудь наружу. Глаза красные, ведь хочется плакать.

Мне ведь нравились его прикосновения. А в какой-то момент он слетел с катушек и жестко меня напугал, подпускать его к своему телу пропало всякое желание. Совсем.

– Я позвоню Михаилу, он меня заберет, – говорю и спрыгиваю на пол.

– Подожди, София, я... – Артур снова отворачивается, переводит дыхание.

Смотрю заворуженно и... не понимаю его уже, не узнаю. В голове всплывает фраза Гордея об игре.

Внутри поселяется тревога и раздражение. Догадок целый ворох, я никогда не была глупой.

– Не надо, Артур.

Он осматривает меня с ног до головы. Да, конечно, выгляжу сейчас так себе. В таком виде на такси нельзя ехать. А Михаил... объясню ему, и он все поймет. Должен, по крайней мере.

Быстро собираю свои вещи и выбегаю из квартиры Бисарова.

По пути набираю Михаила. Он не отвечает на звонок, только присылает сообщение, когда спускаюсь на первый этаж многоэтажки. На улице очень холодно, стоять и ждать машину лучше в тепле.

Спустя несколько минут замечаю паркующийся мерседес представительского класса.

С радостью выбегаю и открываю заднюю пассажирскую дверь. Устало плюхаюсь, голову откидываю назад и делаю первых всхлип. Все это время я держалась. Пальцами цепляю пуговицы пальто и расстегиваю их. В машине невероятно жарко и душно, словно топили ее весь день.

А когда открываю глаза, встречаюсь в зеркале заднего вида с пронизывающим синим взглядом. На меня обрушилось небо.

Глава 15.

Соня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.